

Людмила Астахова, Яна Горшкова

НЕВИНОВНЫХ НЕТ

Людмила Викторовна Астахова
Яна Горшкова
Невиновных нет
Серия «Помни о жизни», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=442865

Невиновных нет: Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-44886-9

Аннотация

Ненавидеть и презирать всегда проще, чем попытаться понять. Но остров Шанта будто создан для того, чтобы испытывать на прочность свои убеждения. Место, где в беспощадной схватке столкнулись могучие державы, где не смолкает канонада и гремят ружейные залпы, – последний дом народа Проклятых. Там пуля, нож и голод губят быстрее, чем настигает Проклятие Внезапной Смерти. Ни боги, ни духи не ответят, кто повинен в этом. Но только на Шанте можно узнать, кто друг тебе, а кто враг и чего стоят все клятвы.

Содержание

* * *	4
Часть первая	11
Аластар Дагманд Эск	11
Рамман Никэйн Янамари	16
Грэйн и Джона	27
Рамман Никэйн Янамари	37
Аластар Дагманд Эск	44
Грэйн и Джона	53
Удаз Апэйн	103
Джона и Грэйн	110
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Людмила Астахова, Яна Горшкова Невиновных нет

* * *

Доброго и прекрасного дня вам, моя дорогая матушка!

Спешу заверить вас в моем благополучии и полнейшем здравии, чего желаю вам и вашему супругу. И как же несправедливо, что вас обоих не было на открытии сезона в столице. При том что сказать, будто этой зимой нам здесь, в Санниве, довелось скучать, ни в коем разе нельзя. В одном из предыдущих писем я подробнейшим образом описывала те ужасные события, которые повлек за собой последний заговор против Его Императорского Величества. Так вот, публичной казнь лорда Гарби ничего не закончилось. Зря мы надеялись, что Император довольствуется умерщвлением одного из достойнейших наших сограждан.

Вообразите себе, дорогая моя родительница, он взялся за леди Янамари. Да, да, да! Меня терзают острые подозрения, что Император вознамерился извести под корень всех, кто имел общие дела с кланом Дхел Верд. Начал с бедняжки

Бранда Никэйна и теперь направил на мою дорожную Джойану этого неутомимого поборника Веры – Хереварда Оро. Как будто тот никогда не выдавал леди Янамари Охранительную Оркену, честное слово! Ума не приложу, при чем тут Эсмонд-Круг к обыкновенному заговору? Где они углядели злонамеренное шаманство? Да, моя дорогая Джойана – шуриа, но, помилуй меня Предвечный, мы же все цивилизованные и образованные люди, гордящиеся широтой своих взглядов, чтобы так открыто демонстрировать нетерпимость, верно? Я далека от мысли, что Император забыл, что за свергнутым им предшественником стоял клан Дхел Верд, но право же, как низко с его стороны преследовать беззащитную женщину. В конце концов, разве леди Янамари не пошла навстречу и не согласилась, чтобы до семнадцатилетия ее сына делами графства ведал императорский управляющий? У меня сердце кровью обливается, настолько это унижительно. Но моя милая Джона возражать не стала, как не стала она противиться, когда Император пожелал видеть ее снова замужней дамой. Хвала Предвечному, у нас есть лорд Джафит, и во всех матримониальных вопросах можно довериться ему. Должна вам признаться, матушка, я и сама уже было подумывала, не обратиться ли к нему за помощью – столь безупречные варианты предложил милейший лорд Джафит Джоне на выбор. Клянусь, для леди Янамари все сложилось бы прекрасно, не вмешайся в ее судьбу злой умысел. И вообразите на мгновение весь наш

ужас, когда стало известно, что Джону похитили! Пона-
чалу подозрения пали на тех, кто на самом деле управляет
Синтафом (вы знаете, о ком я, но доверять бумаге их име-
на не следует). Я до сих пор вздрагиваю, стоит лишь вооб-
разить, как среди ночи к бедняжке врываются злодеи, свя-
зывают ее и увозят в неизвестном направлении. Ходят слу-
хи, что леди Янамари похитили ролфийские агенты, но мы,
друзья бедняжки Джойаны, убеждены – их распускают са-
ми знаете кто. Зачем она могла понадобиться Священному
Князю или лорду Конри? Вот и у меня нет вразумительного
ответа на этот вопрос. Остается только надеяться, что
несчастливая Джона все еще жива и когда-нибудь настанет
день, когда она вернется к нам.

Ибо сердце мое обливается кровью при мысли о ее осиро-
телых детях.

Кстати, милая моя матушка, я свела знакомство с од-
ним очень достойным мужчиной, к которому испытываю
душевное расположение. Но пока наши отношения сугубо
дружеские, а потому загадывать о чем-то большем я не
смею, лишь прошу вас молиться о моем благополучии и сер-
дечной удаче.

На этой приятной новости осмелюсь попрощаться с ва-
ми до следующего письма.

Храни вас Предвечный!

Любящая дочь Анвельма, урожденная Бетико.

Писано в апреле месяце 26 числа сего года

«Голос Эйнсли» № 16 от 18 апреля сего года

Известия из Адмиралтейства

Сего дня Е.С.О. Вилдайр Эмрис эрн-Лэнси высочайше соизволил отбыть к Флоту для проведения военно-морских учений у берегов острова Конрэнт. Из Адмиралтейства сообщают, что эскадра в составе более чем десяти кораблей под командованием Адмирала Белого Вымпела Рэйса эрн-Сэйлита намеревается выйти в боевой поход не позднее 25 апреля сего года, немедленно по прибытии Высочайшей Особы. На флагмане эскадры – линейном корабле Е.С.О. «Княгиня Лэнсилэйн» поднят личный штандарт Его Священной Особы.

Воля Морайг

<...>...от берегов Синтафа сообщают, что прибрежные воды Империи затянуты непроницаемым туманом, затруд-

няющим судоходство до полного его прекращения. Ее Священная Особа, княгиня-супруга Мэрсейл эрна Лэнси заявляет, что воля Матери нашей Морайг совершенно ясна и в скором времени следует ждать ее изъявления. Рыбачьим и торговым судам малого водоизмещения рекомендуется не выходить в море до особого Е.С.О. княгини Мэрсейл дозволения. Всем добрым подданным Священного Князя надлежит выполнять свой долг с благочестием и старанием <...>.

Внешние известия

Индара. Апреля 10 дня в наше посольство в Свободной Республике Эббо при дипломатическом посредничестве местных властей была передана очередная нота имперского правительства. Вкупе с привычными уже сетованиями на якобы незаконное пребывание нашего гарнизона в форте Сигрейн на острове Тэлэйт в ноте содержится и нечто новое. Претензии Синтафа приросли обвинениями в похищении офицерами Собственной Е.С.О. Канцелярии некоей дамы <...>. Полномочный посол Священного Княжества Ролэнси в Эббо его высокопревосходительство эрн Бидэйв изволил назвать эти обвинения нелепыми и не имеющими под собою никаких оснований <...>.

Переполох в курятнике

<...> Нам стало известно, что в имперском городке Синхелм, что в провинции Локэрни, произошли загадочные и грозные события. Таинственным образом загорелся комплекс храмовых построек диллайнского культа Предвечного. Несмотря на усилия местных властей, подворье полностью выгорело, а затем огонь перекинулся на городские строения <...>. Склонность имперского правительства видеть в этих событиях «ролфийский след» <...> не может не наполнять гордостью сердце каждого патриота Ролэнси. Ее Священная Особа, княгиня-супруга Вигдэйн эрна Лэнси изволила заметить, что Госпожа наша Локка сама избирает способы покарать нечестивых служителей бога народа-отступника, как Своею божественной рукой, так и посредством Ее посвященных. Так же священная княгиня, посвященная эрна Вигдэйн, назвала сии события «предзнаменованием», толковать которое следует однозначно <...>. Мсть богини неизбежно постигнет предателей! <...>

Внутренние известия

<...> В Верховном Кабинете продолжается работа по созданию нового Свода Законов и долгожданной Конституции.

Напоминаем, что решение Его Священной Особы Вилдайра Эмриса в скором времени даровать любезным детям и подданным своим Конституцию сердечно, искренне и непоколебимо <...>.

Собственная Е.С.О. Канцелярия уведомляет всех добрых подданных, что расследование по факту проверки в форте Логан округа Логгэнси завершено. Несмотря на то что Особая Комиссия не нашла за комендантом крепости, майором Рэйбертом, владельцем Фрэнгена, бесспорных доказательств измены и злоупотреблений данной ему властью, Комиссией решено отстранить эрна Фрэнгена от командования фортом. Собственная Е.С.О. Канцелярия напоминает, что даже подозрение в измене недопустимо для офицера армии Его Священной Особы. Поскольку эрн Фрэнген в Круге Чести доказал отсутствие за ним злонамеренного умысла, Комиссия приняла решение о переводе его из действительных частей в резервные, с понижением в чине до капитана, но без поражения в правах владельца <...>.

Часть первая

Аластар Дагманд Эск

Редко, очень редко Аластар сожалел, что и в самом деле не оборачивается совой и не летает по ночам над спящим Амалером. Но сейчас приключился у графа именно такой приступ острой зависти к легендам и сказкам о себе самом. Только – не летать, а забиться бы куда-нибудь на теплый чердак, распушить перья и спать. Спать целый день, и следующую ночь, и еще один день. Или совы столько не спят? Тогда было бы неплохо побыть в одиночестве, в тишине. Опять же, перья. Они теплые. А пропитанный сыростью насквозь редингот – холодный. И мокрые перчатки тоже.

Третьи сутки на ногах без сна и отдыха. Порвавшиеся по шву сапоги Аластар молча вручил камердинеру, грязные носки швырнул в камин, выпил залпом еще одну кружку кады и перечитал тайно доставленную ему из Эйнсли свежую газету.

М-да... Штандарт Вилдайра Эмриса на флагмане – это повод прийти в ажитацию всем. Прежде всего лорду-адмиралу Сорну, который не только дамский угодник и фаворит Его Императорского Величества, но еще и, рол... волки его задери, главнокомандующий имперского флота. Красавчику

Ителхарду неплохо было бы вырваться из женских объятий и хотя бы сделать вид, будто он все еще моряк, а не комнатная собачка. Хуже бардака, который творится на флоте, только тот, который творится в армии Синтафа.

И если уж Вилдаир Эмрис назначает встречу, значит, ему тоже небезынтересна информация о северянах из первых рук. Ибо графу Эску точно будет о чем порассказать Священному Князю.

Стук в дверь прервал плавные размышления Аластара. А сапога под рукой не было. Экая жалость!

– Позвольте с вами поговорить, милорд?

Больше, чем тива Сагари, ему не хотелось видеть только супругу. Но Лайд бы и не посмела появиться после вчерашнего скандала. И, к счастью, не скоро осмелится.

– Я вижу, вы устали. Но я займу всего несколько минут вашего драгоценного времени...

Не займешь. Потому что слушать тебя все равно никто не будет. Так что излагай, не стесняйся. И радуйся, что ты – протеже Хереварда.

Аластар с наслаждением избавился от бывшего когда-то белым, а теперь серого шелкового галстука, расстегнул рубашку и положил ноги на низкую скамеечку. Три часа в литейном цеху, потом пять часов на испытательном полигоне в Зарянском лесу и еще столько же в мастерской господина Элро – вот что имеет значение, а не душеспасительные росказни шпиона-эсмонда.

Новую конструкцию орудий надо еще доработать, довести до ума. И на это потребны не столько деньги, сколько время. Того, чего становится все меньше и меньше.

– ...Сколь бы ни была сильна ваша ярость... ваш долг...

– М-м-м...

Милберг Ито подтвердил свое согласие, прислав проверенного человека с крупной суммой. Это хорошо. От Алфлаеда пришло письмо, но Элвва молчит. Пока молчит. Сейчас консультация Джоны не помешала бы. Кто из нас самый опытный заговорщик, в конце-то концов?

Смешно сказать, но большую часть жизни Эск оставался верным присяге и тому императору, который сидел на троне в Санниве. Военный флот – это не то место, где уместны политические пристрастия. За нелояльность, заговор и бунт против государя там принято вешать. Еще пятьдесят лет назад... Да что там полвека! Еще два десятка лет тому Аластар не поверил бы и в то, что сам возглавит заговор. Впрочем, тогда все было по-другому – у него не было Джоны, у него не было Лайд, у него не было цели. Зато теперь есть.

– Вы ведь проявите снисходительность и простите леди Лайд?

Если бы его прощения помогали, то, пожалуй, Аластар прощал бы жену трижды на дню. Разве ему жалко? Но как бесполезно поливать водой засохший пенёк, так добрые слова похвалы бессильны исправить умственные изъязны леди Лайд. Помнится, после знакомства с невестой он напился до

положения риз. Впервые за семьдесят пять с половиной лет. И навеки возненавидел себя – самонадеянного глупца, единойжды совершившего непростительную ошибку, дав обещание Эсмонд-Кругу.

– Я уже проявил лучшие свои качества – сдержав слово.

– Она не виновата, – смущенно улыбнулся тив Сагари.

– Конечно. Виноваты те, кто выращивал женщину с умом курицы. Добро бы только глупа была, так она еще к тому же ревнива и зла.

Тив снова вступился за подопечную, но Аластар уже не слушал его. На этот раз Лайд подошла слишком близко к опасной черте между правдой и ложью. Слепая интуиция нелюбимой жены зачастую точнее в определении истины, чем строгая логика мудреца. Лайд ничегошеньки не знала о них с Джоной, но чуяла звериным чутьем оскорбленной самки.

Из-за выходки этой дуры пришлось поднимать на ноги всех своих людей, напоминать кое-кому о старых долгах, давить на чужие «больные мозоли», и все это слишком рано. И по всему выходило, что Джона в скором времени окажется на Ролэнси в целости и сохранности. А с Вилдайром Эмрисом и Конри он сумеет договориться полюбовно. Потом, когда страсти немного утихнут. Рэналд кого попало в Синтаф не пошлет, и, значит, пока особо переживать не о чем.

И вообще, местечко под крылышком у Священного Князя для Джойаны сейчас самое безопасное.

«Ей веселее, и мне спокойнее», – мысленно улыбнулся Аластар.

– Чем я могу обнадежить миледи?

– Ничем. Идите.

Впереди еще обстоятельный доклад господина Итсарро. Тот вернулся из своего рискованного путешествия прошлой ночью. Эск честно дал агенту отоспаться, но к полудню желал получить подробнейший отчет. Умение ждать – одно из лучших качеств диллайн, но Аластар еще месяц назад начал медленно сходить с ума от нетерпения. Каждую ночь снились ему черные клубящиеся тучи, надвигающиеся на Синтаф с севера, готовые вот-вот пролиться огненным дождем. Каждую ночь.

«Тьфу! Мистика – удел шуриа, а божественные кары – в самый раз для ролфи. Диллайн оперируют фактами».

Господин Итсарро побывал в стране северян и вернулся оттуда живым. А значит, у графа Эска будут самые достоверные факты.

Сонливость как рукой сняло; Аластар встал, потянулся, хрустнув каждой косточкой, и отправился в гардеробную переодеваться, чтобы хоть как-то занять себя в последние минуты ожидания. Свежая рубашка, чистый галстук и еще одна чашка кадфы спасут положение. А вот от бритья придется пока отказаться. Потом, все потом.

Рамман Никэйн Янамари

Кучер Рамману попался из породы трезвенников-говорунов.

– Уже и зелен май на носу, а погода так и не устоялась. То солнце припекает, то ливень хлещет, то ветер сбивает с ног. Что за год такой, а? Вот вы, молодой лорд, поди, точно хотели бы знать, каковым лето получится, так? – вопрошал он и сам же себе отвечал: – А то! Вы ж землевладелец, вам урожай нужен, и не абы какой, а хороший. Чтобы и пшеничка, и рожь, и ячмень уродились. А что получается? А сплошная неведомость относительно погод, вот что. А к тиву обратишься за предсказанием и получишь шиш! То ли разучились они ворожить, то ли обленились.

Рамман кивал рассеянно: все его внимание было приковано к пейзажам за окном. Эскизар красив особенной суровой красотой: пастбища, серые каменные острова древних замков, новые городки, выросшие вокруг шахт, рудников и заводов, целиком выстроенные из красного кирпича, и рядом храмы, от фундамента до купола увитые плющом. Но больше всего юношу поразили железные мосты через реки и речушки – ажурные конструкции, почти повсеместно, кроме самых глухих деревень, сменившие массивные каменные арки. После сонного пасторального Янамари, где до сих пор свечной заводик считается вершиной индустриального про-

гресса, Эскизар напоминал огромную фабрику. Даже весна здесь пахла угольной пылью. Впрочем, стада знаменитых на весь Синтаф черных коров никуда не делись, а потому сыроварни в Эскизаре благоденствовали. Было бы у Раммана чуть больше времени, он бы потолковал с их хозяевами – и коров, и сыроварен. Купить бы десяток таких бодливых тварей с их высокими надоями да на янамарские заливные луга пустить. Вот это будет сыр так сыр.

Мимо амалерских верфей ехали, кажется, полдня без остановки. А за высокими заборами кипела работа – дымили трубы, ревели паровые машины, – и не кончался поток подвод со строевым лесом.

– Сейчас тут самый большой заработок, – подтвердил куцер догадки Раммана. – Народу наняли кучу, и местных и приезжих без разбору. Главное, чтобы опыт хоть какой-то имелся. В три смены работают. Граф-то денег на корабли и пушки не жалеет.

Посвященный во все местные новости дядька не смолкал до самой станции, рассчитывая на приличные чаевые еще и за экскурсию по Амалеру. Но тут юноша не возражал – в столице графства есть на что посмотреть приезжему. Тут тебе и самая большая в северном Синтафе рыночная площадь, полностью замощенная камнем двести лет назад, и Зоркая Башня – донжон древней, еще шурианской крепости, – и, конечно, графский дворец – Гнездо Эсков.

Рамману пришлось закинуть голову, чтобы попытаться

разглядеть красный с белым стяг на шпиге самой большой башни – настолько высоко вознеслась каменная цитадель над Амалером.

– Тутошняя земля до диллайнов, еще при ролфях, звалась Зарянская Марка, и владели ею бароны Гэйнвинны – люди лихие. Разбойничали на море и на земле вовсю, и говорят, когда Эски захватили замок, то подвалы его были забиты золотом.

– А вы откуда все это знаете?

– Дык я здешний уроженец, из Межгорья. Служил в армии. Двадцать лет, почитай, сержантствовал, где только не был, а женку нашел себе в Янамари. Думал, никогда уж не вернусь в Эскизар, а тут работенка подвернулась. Как отказаться?

Голубые глаза возницы сияли детской радостью.

– Почитай, два-три раза в месяц бываю на родине. Разве не счастье?

В детстве накатавшийся по империи вместе с беспокойными родителями сверх всякой меры, Рамман сделался завзятым домоседом. Саннива, конечно, это другое дело. Центр мира, как ни крути. Но кто же знал, что Амалер такой... такой современный и деловой. И, пожалуй, грозный, как только что спущенный на воду стопушечный линейный корабль. Впечатление усиливалось из-за густого, пришедшего с моря тумана. Казалось, сейчас поднимет он паруса и уплывет в холодное море.

Часы в конторе перевозчика отбили три пополудни, когда Рамман поставил свою подпись в журнале, подтверждающую, что прибытие состоялось точно в срок и пассажир никаких претензий не имеет. Какой прогресс!

– Удачи вам, лорд Никэйн, – почтительно приподнял шляпу возница, пряча в нагрудный кармашек честно заработанный золотой оул.

Вот в чем, в чем, а в удаче молодой граф нуждался более всего прочего.

В Амалере все дороги вели к Гнезду: откуда ни начни путь, все равно очутишься перед исполинскими дубовыми воротами, окованными сталью.

Юноша усмехнулся: «Как же иначе может называться цитадель диллайнского князя крови? Только «Гнездо». Не душло же».

К счастью, граф Эск не стремился к уединению, а вел очень активную жизнь, предполагавшую возможность личной встречи не только на великосветских раутах. К подножью замка возле ворот прилепился аккуратный домик, на двери которого красовалась начищенная до блеска медная табличка «Прием визитеров и канцелярские услуги». Внутри в поте лица трудились пятеро клерков в форменных темно-красных сюртуках. Один корпел над пухлой регистрационной книгой, второй сортировал корреспонденцию, третий раскладывал по ячейкам шкафа одинаковые конверты сизо-серого цвета – ответные послания графа, четвертый (весь

перемазанный чернилами) сам строчил какую-то бумагу, а пятый – самый измученный малый со стеклянными глазами – внимал очередному посетителю-просителю. Очередь к нему состояла из четырех господ весьма внушительного вида, которых ничуть не смущало вынужденное ожидание. Рамману ничего не оставалось делать, как набраться терпения.

– Чего изволите, сударь? – бесцветным голосом спросил клерк, когда подошел его черед.

– Я бы хотел встретиться с его светлостью лично.

– Его светлость не принимает посетителей без предварительной записи. Ваше полное имя, сударь?

– Рамман Никэйн, граф Янамари.

Молодой человек старался говорить тихо, но его слова произвели эффект выстрела картечной гранаты – сражены оказались все пятеро служащих сразу.

– Простите, милорд... – стеклянноглазый сразу оживился. – Повторите, пожалуйста, милорд...

Пришлось снова назваться.

– Вы не будете против, если придется обождать здесь четверть часика? Его светлость пока немного занят.

– Ничего, ничего... – пробормотал Рамман.

Ему тоже срочно требовалась передышка, чтобы собраться с мыслями перед встречей с человеком... с тем мужчиной, с которым мать... со своим кровным отцом, в общем.

Собственно, юноша уже сто раз обдумал каждое слово,

отшлифовал интонацию, осталось только встретиться взглядом и посметь открыть рот в присутствии графа Эска.

Ровнехонько через пятнадцать минут в приемной появился некий господин с повадками породистого кота и молча поманил Раммана, жестом приглашая следовать за собой.

В какое-то другое время юноша обратил бы внимание на внутренние интерьеры «Гнезда Эсков», славящиеся среди знатоков подлинной старины уникальностью и богатством, но сейчас он был настолько взволнован, что никого и ничего вокруг не замечал.

– Соболаговолите войти, лорд Никэйн, – молвил секретарь, распахивая перед посетителем дверь кабинета.

Рамман сделал три шага, каждый следующий нерешительнее предыдущего, и замер. За массивным столом лицом к нему, спиной к окну сидел Аластар Дагманд Эск и что-то писал.

– Гм... Здравствуйте, милорд.

Ответом стала тишина, нарушаемая только скрипом пера по бумаге.

– Здр...

– Добрый день.

Глаза у мужчины в полумраке светились живым золотом. Он отложил на специальную бронзовую подставку перо, закрыл крышечкой чернильницу, ожидая, когда гость начнет излагать суть дела.

Юноша откашлялся и сделал еще несколько шагов вперед,

прежде чем заговорить:

– Меня зовут Рамман, я сын леди Джойаны Алэйи Янама-ри. Той, которую похитили в Санниве. Вероятно, она предвидела такое развитие событий и поэтому просила...

Отрепетированная речь лилась сама, а Рамман жадно вглядывался в черты Эска, стараясь отыскать... По большому счету, молодой человек не отдавал себе отчета, чего бы ему хотелось увидеть – сходство или различия.

Это в провинции народец в основном смешанных кровей, сильно смешанных, а в столице сыну Джоны довелось видеть среди вельмож чистокровных диллайн. Так вот Аластар оказался самым диллайнским. Одно слово – князь крови.

«Пожалуй, густые брови – от него, и чуть выющиеся волосы тоже. Треугольная форма лица да тяжелый подбородок. Негусто, если честно».

Наверное, тайное родство сказывалось только в том, что с каждым произнесенным словом Рамман все отчетливее понимал – этот внимательный мужчина и пальцем не пошевелит для спасения леди Янамари.

– Моя мать сказала, что вы – ее друг. Настоящий друг.

– Так оно и есть.

Граф соизволил разжать губы. С огромной неохотой.

– Вы сможете найти ее, милорд?

Нет, диллайн не моргают веками, точно совы. Это старинный предрассудок. Но этот взгляд нельзя полностью считать человеческим. Слишком внимательный.

– Я попробую что-нибудь сделать для вашей матери.

«Что-нибудь» с диллайнского всегда переводилось как «практически ничего». Но почему?!

– Я приехал сюда, чтобы умолять вас о поддержке, чтобы помогать вам, если понадобится, чтобы...

– Зря. Вы можете возвращаться. В Янамари.

– Нет! – запальчиво воскликнул юноша. – Я не могу. Я...

Аластар Эск не заинтересован, у князя совсем иные планы на ближайшие сто лет, ему все равно, что станет с любовницей-шуриа. Может, потому мать и скрыла рождение обоих сыновей, потому что ему никто не нужен? На четвертой сотне лет – неудивительно.

– Вы поторопились. Мне уже известно, что вашу многоуважаемую мать похитили агенты лорда Конри, – спокойно произнес диллайн. – И я догадываюсь, почему так вышло.

Голос у Эска тихий, спокойный, невозмутимый. Словно не о возлюбленной говорил, а о посторонней, чужой ему женщине. Словно их связь не длится уже больше семнадцати лет.

Что-то подобное, если честно, Рамман и предполагал. Не мог знать точно, но догадывался той самой диллайнской половиной своей крови. И на этот случай у него имелся особый план: крайний, последний, специальный. Какой же диллайн без трех запасных вариантов?

«Мать меня убьет! Если она останется жива, то убьет. Пристрелит или отравит», – подумал лорд Никэйн за мгно-

вание перед тем, как раскрыл снова рот, чтобы сказать:

– А вы догадались и о том, почему похищен мой младший брат?

Эск положил обратно перо. Серое, в мелких черных пятнышках. Интересно, чье такое?

– Когда это случилось?

– Через несколько дней после того, как исчезла Джона, – нагло соврал любящий сын. – И я тут же заторопился к вам, милорд.

Диллайнский князь задумался.

«У него странная прическа, – подумалось Рамману. – Не стрижка и не коса, а что-то среднее. Оттого он кажется взъерошенным».

– Ребенок – это проблема. Я не понимаю, зачем он понадобился Конри.

– А я понимаю, – заявил Рамман, не скрывая вызова.

Чуть приподнятая бровь Эска выражала сомнение и вопрос. Мол, и откуда такая уверенность?

– Мой младший брат Идгард на самом деле родился не в середине января, а 28 марта. Вы должны знать, что это означает.

Удовольствие, которое получает лопоухий юнец, припечатав ветерана к стене одним ударом кулака, не идет ни в какое сравнение с тем, что чувствовал Рамман, когда увидел, как крошечные точки зрачков князя диллайн мгновенно заполнили всю радужку.

– Да, да... Он ваш...

И осекся. Потому что Аластар Эск шепотом сказал:

– Помолчи.

В этот момент дверь в кабинет с грохотом распахнулась.

– Янамари! Да как он посмел?! – закричала бледная высокая женщина, тыкая сложенным веером в сторону юного графа. – И теперь ты станешь отрицать?

Она взмахнула руками. Лиловая шаль на ее плечах очень напоминала крылья.

– Лайд. Выйди вон. Немедленно.

Конечно же, Рамману не научиться такому и за триста лет. И за четыреста. Просто потому, что он диллайн лишь наполовину. И очень нескоро его ладонь, впечатанная в столешницу, будет знаком смертельной опасности для всех окружающих.

Казалось, от звонкого шлепка трещина пройдет через весь замок и углубится в природный камень.

– Выйдите вон, миледи. У меня важный разговор.

И она вышла. Поклонилась сначала, очень низко, очень тщательно, а потом исчезла. Рамману бы тоже последовать хорошему примеру послушной графини. Но к нему у Аластара Дагманда Эска были вопросы.

– Присаживайтесь, лорд Никэйн.

Должно быть, обтянутое серо-голубым атласом кресло само подставилось под зад юноши, из опасения впасть в немилость у хозяина кабинета. Ослушников здесь не жаловали.

– Поговорим о вашем младшем брате.

И Рамман поведал все, что знал, – от момента, когда заметил у матери признаки беременности, и заканчивая подробным рассказом об успехах мальчика в учебе.

Но как так вышло, он объяснить впоследствии не смог бы никому.

– Прекрасно... Рамман... э... я могу вас так называть? – Эск дождался подтверждающего кивка. – Очень хорошо. – И поразмыслив, добавил: – Вам понравится в Амалере. Я почти уверен.

«Я погиб», – сразу же догадался юноша.

Грэйн и Джона

Солнышко радовало прятавшихся в лесах Локэрни беглянок недолго. Налетел ветер, нагнал тучи, и снова пошел дождь. Но капризы погоды оказались ничтожными в сравнении с неумолимыми законами человеческой природы. Людям надо пить и есть. Причем регулярно и полноценно. Нежный желудочек юного принца и луженое брюхо козопаса одинаково сводит от голода, не говоря уже о животах графинь и прапорщиц. Чтобы идти, нужны силы, силы дает пища, а пища... Она бегаёт на четырех лапах. Ее надо не только поимать, но и заставить себя съесть хоть кусочек.

Ежи прекрасны на картинках в детских книжках – такие умильные зверушки. Но на вкус они отвратительны. И то, что есть на свете места, где сизоватое, жесткое и к тому же воняющее псиной мясо считается деликатесом, ничуть не утешало графиню Янамари. Джона старалась не смотреть на то, что она ела, глотая, почти не жуя. Если бы еще резкий вкус во рту не вызывал рвотные позывы, то можно было бы считать, что трапеза удалась. Пучок свежих земляничных листочков спас положение.

– Эх, жалко, мелковата ежиха... – с сожалением вздохнула Грэйн, с хрустом разгрызая последнюю косточку. Ела она не торопясь, тщательно разжевывая, чтоб растянуть удовольствие: – Вот, помнится, в форте Логан...

– А давай ты расскажешь о кулинарных изысках форта Логан как-нибудь в другой раз? Меня только что перестало тошнить! – возмутилась измученная завтраком графиня.

Грэйнд обиделась. Интересно, что бы случилось с нежной привередливой шуриа, испробуй она на вкус проклятую «картечь» – ячневую кашу с кусочками... чего-то. Обитатели форта старались обуздывать фантазию, когда на зуб им попадались хрящики и жилки – это могла быть свинья имени майора Фрэнгена, а могла и реквизированная из ближайшего поселка собака. Ежatina – это далеко не самое экзотическое кушанье, которое доводилось пробовать эрне Кэдвен. Особенно зимой, когда поставки провизии в отдаленные форты становились редки и нерегулярны, костлявый призрак голода расправлял кожистые крылья над обледенелым гранитом стен, а крыса на вкус уже не отличалась от вороны. Впрочем, крыс в ролфийских крепостях отродясь не водилось, а вороны, эти умнейшие твари, облетали бастионы и фасы форта Логан за несколько лайгов... И вообще! Что ежи... видела бы графиня фрэнгеновских свиней!

– Зажрались вы тут, в вашем Синтафе, вот что я тебе скажу. Тогда пойдем. Нечего рассиживаться.

А вяленая гадюка, да к пивку – это вообще ролфийский деликатес! Но от описания традиционной островной закуски Грэйнд воздержалась, дабы не возбуждать едва утоленный аппетит. К тому же терять время и дальше действительно не стоило. Эта серая морось, легчайшая взвесь – то ли туман, то

ли дождь такой мелкий... Отличная погода для бегства. Порох на полках кремневых ружей синтафских солдат наверняка отсыреет – во всяком случае, хоть понадеяться на это можно?

Она потянулась, встряхнулась, как мокрая собака – или как мокрая кобыла, потрясла головой. Не то чтобы ролфи не ощущала совсем никаких последствий вчерашнего приступа лихорадки... Но саднящее горло и заложенный нос – не в счет. Главное – голова не болит больше, и жара нет. Грэйн никак не могла вспомнить, чем закончился вчерашний вечер... что-то смутное, неуловимое – сны, которые никак нехватишь за хвост... Это раздражало, но Джоэйн здесь была ни при чем, да и не к чему срываться на единственной союзнице в этих унылых местах.

– Голова не болит... Ты что-то сделала? – все-таки ролфи не смогла удержаться от подозрительного взгляда – и тут же пожалела об этом, потому что теперь обиделась шуриа.

– Накормила тебя ивовой корой, – буркнула Джона. – Заметь, не мухоморами. Заодно помогает от ревматизма.

Да уж, по всему видно, что ежатину на завтрак графиня не скоро забудет! А вот Грэйн, кстати, и от мухоморов бы сейчас не отказалась. Мухомор, если его правильно приготовить... в общем, в такой ситуации мухомор не повредил бы. Потому что на трезвую голову положение представлялось катастрофическим, и эрне Кэдвен очень-очень сильно хотелось разучиться думать. Хоть ненадолго.

— Мухоморов еще нету, — со знанием дела парировала ролфи, призвав на помощь все свое миролюбие, и подмигнула. — Только сморчки и строчки. И еще вешенки. Но ими вполне можно отравиться... Ладно. Я так думаю, наши друзья из оцепления караулили нас по дорогам всю ночь... Нужно попробовать прорваться, Джоэйн. Погода влажная, вполне возможно, что порох у них отсырел. А если и нет, кремневые ружья в этакую хлябь нет-нет да и дадут осечку. Пока и у меня, и у тебя есть еще хоть какие-то силы, надо рискнуть.

Не согласиться с доводами ролфи было сложно. Да и в порохе и кремневых ружьях Грэйн разбиралась лучше.

— Плотнее всего кольцо облавы должно быть на кратчайшей дороге к морю... — продолжала рассуждать эрна. — Они не дураки и понимают, что на одной ежатине мы тут долго не протянем.

При напоминании о ежах Джона нервно икнула.

— Я бы вообще не стала прочесывать лес, просто дождалась бы, пока голод выманит нас к жилью... но у нас и у них нет на это времени. Мы заберем западнее. Сделаем небольшой крюк... Я верно помню, там были лесистые холмы, речушки... овраги? Помнишь?

Леди Янамари молча кивнула в знак согласия. Без Грэйна она бы пропала, сдалась бы первому же разъезду и дала отвести себя на эшафот. Лишь бы все закончилось.

Но стоило закрыть глаза, как в памяти всплывала сцена казни Лердена. Хотя ее, скорее всего, удавили бы по-тихому

и закопали тело на свалке. Шуриа недостойна барабанного боя и чистой смерти от острого падающего лезвия. Джона с сожалением провела по коротким грязным прядям. Голова с длинными тяжелыми косами смотрелась бы в ивовой корзине куда как драматичнее.

«Это все от избытка воображения, – строго сказала леди Янамари сама себе. – Терпи и не жалуйся».

Плакать и скулить Джону отучили еще в раннем детстве. Разбитая коленка, шишка, синяк, сломанная игрушка, отнятое лакомство – вовсе не повод ныть, размазывать слезы по щекам или того хуже – жаловаться взрослым. Позор для юной леди. Не можешь дать сдачи – терпи. Или мсти. Но чтобы никаких страдальческих взглядов из-под опухших век! Иначе леди Джойане еще и розог достанется.

Воспитание дало свои плоды – чем больнее удар, тем выше голова, чем сильнее пинок, тем быстрее надо встать. Втянули слезы, сжали зубы и идем дальше, не оборачиваясь. Лучше по кругу, чтобы зайти в спину и пырнуть ножом в самый неподходящий момент.

А уж как помогают сладкие мысли о грядущем отмщении бежать по лесу! В одной руке юбка, в другой сумка Грэйн. Белые графские ляжки так и сверкают на весь лес, а молоденькая крапива хлещет бесстыдницу по ногам в рваных чулках.

Весь день прятались по кустам, шарахались из стороны в сторону, сворачивали, едва только заметив человеческую

фигуру. Не важно, кто это окажется, солдат или обыватель. Служивый поднимет тревогу, селянин тут же донесет первому встречному разъезду. Награду за поимку эрны Кэдвен никто не отменял, а скорее всего, за поджог храма ее утроили.

Поросшие лесом холмы сулили беглянкам приют, но, чтобы добраться до них, следовало пересечь долину крошечного ручья.

– Будем оврагами ползти, – решила ролфи.

Оврагами так оврагами, ползти так ползти. Оказалось, что Джона ползает ничуть не хуже какой-нибудь гадюки. Может, не так уж далеки от истины все эти намеки на голый скользкий хвост, которыми так любил сыпать эрн Янэмарэйн? Что-то, а хвост бы сейчас не помешал. И змеиная раскраска.

Обидно, что заметили беглянок, когда они преодолели две трети пути. Молоденький солдатик, почти мальчишка, постеснялся старших товарищей и отошел отлить подальше в кусты.

– Вот они! Держи!

Грэйн ругнулась, дернула Джону за руку, и они, уже ни от кого не прячась, сломя голову бросились к холмам.

– Быстрее, да быстрее же, Джоэйн, ради твоих духов! – Грэйн, сама дыша, как запаленная лошадь, подгоняла путавшуюся в юбках шуриа. Локка, Морайг... если она споткнется и упадет, если споткнется и упадет хоть одна из них – это конец.

Юбку Джоне пришлось задрать до талии, потрясая воображение доблестных синтафских воинов видом коротких панталончиков с рюшками на заднице.

Солдаты начали стрелять. Далековато для меткого попадания, но зато страшно. Если бы ежик не успел перевариться, то Джона выпустила бы его обратно от одного только ужаса перед пулей.

– Джоэйн! Пригнись! – взывала Грэйн.

За спиной снова грохнуло. Когти Локки, ну ведь должен же он был отсыреть, синтафский порох, просто обязан! Впрочем, пока они мажут... Пока.

А лесок на холме – вот он, уже совсем рядом! Но эти, за спиной, – они еще ближе...

– Да быстрее же ты! Ну! Пошла, пошла! – Грэйн уже не Джоэйн, себе это пыхтела. – Пошла, сука глупая... Бегом!

Ах, как не хватало сейчас рядом капитана Витарра эрн-Снэйра с его стеклом, чтоб как следует прибавить нерадивым девкам скорости. Очень не хватало, просто ка-та-стро-фически...

– Не стрелять! – орал кто-то позади. – Не стрелять!

А вот это хор-рошо, дворняжки, это пр-равильно... Зачем вам стрелять? Добыча и так не уйдет, куда ж ей уходить?.. Вот мы, тепленькие, – бери не хочу... А вот вам!

Но кто-то из преследователей все-таки не удержался, выстрелил. На бегу, не целясь... попасть он мог только чудом, а чудеса сегодня были строго лимитированы для обеих сто-

рон. Раскаленный кусочек свинца просвистел над головой у Грэйна, и терпение ролфи лопнуло. Ну, хватит! Шуриа уже цеплялась подолом за ветки ближних кустов, так что...

Эрна Кэдвен развернулась и четко, как на учениях, зарядила свой мушкет. В ушах у нее вместо азартных криков погони гремела барабанная дробь. И-и... на счет! Р-раз! – скинуть патрон! Два! – отсыпать на полку. Тр-ри! – закрыть полку, приклад в землю. Четыр-ре! – патрон в ствол! Пять! – пробить шомполом. Шесть! – на колено, приклад в плечо! Цельсь! Пли!

Чтобы промазать по таким крупным мишеням, надо было уродиться синтафским вырождаком-смеском. Грэйна не промазала. И когда сквозь черный вонючий дым загонщики смогли что-то разглядеть, ролфи уже не было. Она, треща по кустам, нагоняла убежавшую вперед Джоэйн. Увы, пистолеты остались у шуриа, так что продолжать перестрелку было не только неразумно, но и невозможно.

На бегу вытаскивая из-за пояса штык, Грэйна едва не влетела в спину замершей спутнице. Та стояла, как вкопанная, и будто бы не слышала ни выстрелов, ни криков позади, ни треска несчастного подлеска, сквозь который уже ломилась погоня.

– Что там?

– Смотри.

Видимо, когда-то здесь была каменоломня, или шахта, или что-то такое, требовавшее вырубить в скале ход. Серый

камень, яркая молодая зелень и черная дыра. На ее фоне сложно было не заметить высокого мужчину. В одной руке у него был фонарь, а другой он звал беглянок в свое убежище. И сопротивляться этому безмолвному призыву не было сил.

Рассуждать, откуда тут взялся неожиданный благодетель, было некогда. Промедлив только для того, чтоб примкнуть штык, с мушкетом наперевес Грэйн вбежала в покосившийся проем шахты вслед за уже порскнувшей туда графиней. Даже если это ловушка... пока он один. Без оружия. И там, в темноте подземелья... там все может повернуться очень неожиданно. В любом случае, отстреливаться из укрытия удобней, нежели на открытом пространстве. А терять беглянкам уже нечего, остается лишь подороже продать свои шкуры... если...

И тут давно клекотавший в глотке ролфи кашель все-таки прорвался наружу. Стоило остановиться, прислониться к потрескавшейся крепि – и...

Криков пробежавших мимо солдат она уже не слышала. Корчась от раздиравших горло спазмов, Грэйн упала на четвереньки и, задыхаясь, откашливала скопившуюся в легких гадостную слизь – и все никак, никак не могла вдохнуть.

Солдаты с воплями пробежали мимо. Они не заметили входа... Пожалуй, это все-таки древняя шахта, решила шурия, быстро осмотревшись... Так вот, преследователям словно глаза отвели.

Джона открыла рот, чтобы поблагодарить незнакомца, но

слова застряли в глотке, как рыбные косточки. У спасителя были ярко-желтые глаза, крючковатый нос и тонкие узкие губы. Диллайн, чистокровный, настоящий. И леди Янамари готова была дать голову на отсечение, что их добрый спаситель еще и волшебник-эсмонд. В обществе тива Херварда чувствуешь себя почти так же – словно мышь в когтях неясоти.

Отшатнувшаяся Джоэйн едва не сбила эрну с ног. Шатаюсь и цепляясь одной рукой за крепь, Грэйн встала и, моргая, силилась разглядеть через плечо шуриа, что же так напугало графиню. А когда разглядела...

– Когти Локки! – потрясенно выдохнула Грэйн, и янтарно-желтые глаза диллайнского волшебника ответно вспыхнули.

Рывком отшвырнуть шуриа к стене, закрыть ее... перехватить мушкет и хоть штыком попытаться от него отбиться... хотя что ему штык?

Ролфи трясло так, что мушкет в руках ходуном ходил, а зубы клацали.

– Локка Могучая, за что?.. – вслух простонала эрна Кэдвен, чуть не плача от такой подлости. – Джоэйн... беги!

– Куда? – с горьким смешком отозвалась шуриа.

Воистину, оказаться в раскаленных когтях богини было бы... приятней. Это сулило пусть не пощаду, так хотя бы быструю смерть.

Рамман Никэйн Янамари

Говоря образно, Аластар Эск впился в юного графа всеми когтями и упускать свою добычу не собирался. Вопросов он больше не задавал, а лишь приказывал мягким спокойным голосом:

– Вы – мой гость, Рамман, впервые в Амалере. Чувствуйте себя как дома.

Вышколенный лакей тут же подхватил саквояж молодого человека и с поклоном пригласил последовать в гостевые апартаменты.

Хорошо, конечно, что не придется платить за гостиничный номер и столоваться втридорога, но торжественно обещанный потрясающий морской пейзаж за окном тоже не радовал. Рамман, несмотря на все проявленное к его персоне уважение, чувствовал себя бесправным узником. Впрочем, очень быстро он убедился, что первое впечатление всегда верное и не один он томится в жестких тисках Эсковой железной воли. Гостю дали время, чтобы умыться и переодеться, а потом пригласили отобедать в тесном семейном кругу. Весь вид слуги говорил, что никого здесь не интересует, хочет граф Янамари кушать или нет, а если потребуются, то строптивного юнца отволокут в трапезную за ноги. Где только Эск нашел таких громил среди сородичей? Обычно диллайн рослые, но ведь не медведеобразные же? Гренадеры

какие-то, а не лакеи.

Аластар с семейством поджидали гостя прямо в холле перед закрытыми дверями трапезной. Хозяин церемонно подставил локоть молоденькой девушке, почти ровеснице Рамману, барышню лет тринадцати сопровождал мужчина с очень загорелым для этого времени года лицом, наследнику же Янамари выпала честь завершать процессию под руку с самой леди Лайд. На обед были овощной суп, жареная треска, тушеная капуста с грибами и миндальное бланманже – просто и без ожидаемых изысков. Хозяин и хозяйка благо-разумно заняли свои места по разные стороны стола. А то ведь все могло закончиться дракой – такие бешеные взгляды бросала миледи на невозмутимого мужа.

Добавки здесь просить было не принято. Новую порцию без лишних вопросов клали на тарелку, стоило ей только опустеть. Хочешь наесться досыта – кушай быстрее, чувствуешь сытость – тyani удовольствие.

Рамман понял это простое правило, только когда подошла очередь десерта, прежде успев подивиться, как быстро рас-правляются с угощением худосочные княжны.

Некрасивые, по-настоящему некрасивые, а не только в силу возраста, они не смели глаз поднять на родителей и, видимо, не подозревали, что с кем-то из них можно заговорить просто так, без повода.

«Великий Йон, да это же мои... наши с Идгардом сестры!» – поразился юноша и решил рассмотреть родственников

получше. У него никогда не было и не предвиделось сестер.

Волосы младшей были стянуты в тугие косы, и она выглядела совсем ребенком. Маленькое костлявое личико старшей казалось еще меньше по сравнению с большим носом отцовской мужской формы. Серые шерстяные платья, белые кружевные манжеты и воротнички, пальцы стиснуты в кулачок, губы сжаты в линию – настоящие совята-подростки. А когда младшая начала подслеповато ковыряться вилкой в рыбе, сходство стало очевидным.

– Сина! Твоя спина! Как ты сидишь?! – резким голосом каркнула миледи.

– И вы взяли не ту вилку, дочь моя, – безжалостно добавил милорд, не отрывая взгляда от своей тарелки.

Девочка сжалась в комок, но орудие преступления из пальцев не выпустила.

– С-с-сина, – зловеще прошипела леди Лайд. – Немедленно!

Рамман догадался сразу – у бедняжки от испуга вся эта хитрая наука вылетела из головы – и показал на нужный столовый прибор, тут же став обладателем целого букета взглядов сотрапезников – благодарные от обеих сестер, ненавидящий от миледи и невозмутимый... отцовский. Сина исправила оплошность и больше не путалась. А Рамман вдруг представил себе Идгарда – маленького веселого совенка – на месте этой девочки и почувствовал себя предателем. Нежнейшее бланманже не лезло ему в глотку. Великий Йон, что

он наделал!

Почти незаметные слуги моментально меняли посуду и подливали морс в бокалы, производя свои манипуляции с пугающей бесшумностью, чтобы ни в коем разе не потревожить хозяина, не прервать плавный ход его мыслей. Дочери, казалось, вообще старались не дышать. Зато громко сопела носом миледи. Красивая, в общем-то, женщина, чью идеальную гармонию черт портило угрюмое выражение лица.

После десерта всем предложили мисочки с водой для мытья рук и чистые хрустящие салфетки.

– Дамы могут идти.

Граф Эск, похоже, не разговаривал, как все нормальные люди, он отдавал четкие понятные команды. И ждал беспрекословного подчинения.

Девушки выскочили из-за стола, поклонились отцу и заторопились прочь, как можно дальше от обоих родителей, но леди Лайд отчего-то решила, что приказ адресован кому угодно, только не ей.

– Ступайте в гостиную.

– Аластар!

– Сейчас подадут ликерное вино¹, – напомнил он.

Запал миледи сразу иссяк под ледяным взглядом супруга.

– Видит Предвечный, я не хочу, чтобы ты...

– Меня не интересуют твои желания. Доброй ночи, Лайд.

До ночи еще было далеко, но лорд Эск дал понять, что до

¹ Ликерное вино – аналог портвейна.

следующего утра они не увидятся.

– Угощайтесь, Рамман.

Из нескольких фраз, которыми обменялся Аластар со смуглым господином, стало понятно, что тот – близкий родственник, троюродный племянник, что ли. Звали его Дагберт, и говорил он хриплым шепотом на каком-то диалекте диллайнского.

– Передай мою благодарность кузену. И мое согласие тоже. Но предупреди, что все переносится как минимум на месяц.

Ликерное вино, терпко-сладкое и крепкое, щекотало нёбо. Они пили его из маленьких серебряных рюмочек, неспешно и обстоятельно, как полагается двум взрослым мужчинам. И никогда никто прежде, за исключением отца... Бранда... отца, так не беседовал с Рамманом – крайне уважительно, словно с равным, без малейших скидок на возраст. О видах на урожай, доходах поместья, делах графства, курсе акций аграрного союза и сложностях взятия дешевых кредитов. И юноша не заметил, как поведал про жатки и пожаловался на подрядчиков, вышедших за смету при строительстве нового крыла дома. Потому что Аластари Эску было все равно, семнадцать его собеседнику, семьдесят или сто семьдесят семь лет. С одной стороны – ужасно лестно, и так отчаянно хотелось соответствовать оказанному доверию, а с другой – Рамман прекрасно понимал, что диллайн его изучает, внезапно обнаружив, что у его возлюбленной, оказыва-

ется, есть взрослый сын, к тому же старший брат его родного сына.

– Дагберт сказал, что через декаду я смогу выйти в море на «Меллинтан».

– И я с вами.

– Нет, – спокойно ответил Эск. – Вы вернетесь в Янамари и станете ждать вестей.

– А моя...

– Я сделаю все, чтобы никто не пострадал. Я обещаю. Вам не о чем переживать, Рамман.

У безъязыкой покорности появился отчетливый привкус ликерного вина. Такой же сладкий и пьянящий, как этот дорогой напиток. Много не выпьешь, лишь легкий шум в голове и бездна сожалений.

– Я сделаю все, что в моей силе и власти, – повторил дил-лайнский князь, и от звука его голоса у молодого человека похолодело в груди. Так всегда бывает в миг прозрения.

Этот златоглазый мужчина, сидящий в глубоком кресле напротив, родился для того, чтобы повелевать другими. И горе тому, кто пойдет против его воли. Но горе втрое тем, кто принудит его покориться. Какие совы? О чем вы? Это леопард на стальной цепи, другой конец которой намертво вмурован в каменную кладку.

«Так вот почему мать его полюбила, – запоздало догадался потрясенный юноша. – Так вот почему она молчала про рожденных от него детей. Она не терпела над собой власти,

а он жаждал сразу двух взаимоисключающих вещей – власти и свободы».

Аластар Дагманд Эск

Ближе к ночи туман сгустился и окончательно скрыл уставший Амалер от взгляда его владыки и покровителя. Им обоим надо отдохнуть друг от друга – городу от графа, и Эску от городских проблем. Все бы ничего, но то, что эта густая пелена – чары волшебников из Эсмонд-Круга, выводило Аластара из себя. Корабли не могут выйти в море, рыбаки на лов, каждый камень пропитался сыростью. О чем они только думают, когда проворачивают свои темные делишки?!

Название «Меллинтан»², разумеется, приведет тива Хереварда и весь Эсмонд-Круг в бешенство. Но разве мы больше не чтим традиции? Разве забыли о славной истории собственного народа? Или Синтафу не нужен новый фрегат, корпус которого сделан из очень твердого зарянского дуба, выдерживавшего попадание крупных ядер?

Аластар приказал разжечь камин, поудобнее устроился в кресле и... О счастье и блаженство! Впервые за пять дней раскурил любимую трубку. Теплый вишневый корень уютно лег в ладонь. Отличный табак и долгожданное уединение. Мужчине так мало нужно, чтобы радоваться жизни. Всего лишь знать, что у него есть сын. И даже не один...

«Шуриа, она настоящая шуриа. Она все-таки отомстила. Единственным доступным способом», – Эск улыбнулся соб-

² Диллайнское название Желтой луны Дилах (*шуриа*), Морайг (*ролф*.).

ственным мыслям.

Когда первое желание свернуть обманщице шею прошло, уступив место трезвому расчету, князь диллайн ощутил своеобразное удовлетворение. Во-первых, в картину мира поступок Джоны вписывался идеально. Только так и могла поступить оскорбленная им когда-то женщина. А во-вторых, сама того не ведая, коварная шуриа избавила его от обязательств перед Эсмонд-Кругом. Тив Херевард хотел получить эсмондов по фамилии Эск? А вот кукиш ему теперь! Даже два кукиша. Все-таки есть в этом мире справедливость.

Аластар прикрыл глаза и погрузился в раздумья, надеясь, что очень скоро они плавно перетекут в долгожданный сон. Чародейский туман по всему северному побережью, кордоны на дорогах и красочные рассказы дорогой супруги говорили ему о той серьезности, с которой эсмонды охотятся на Джону и ее загадочную проводницу-ролфи. Кого бы ни прислал Рэналд Конри в Синтаф и чего бы ни хотел от леди Янамари, но Лайд он разыграл втемную. Тоже свинство с его стороны, между прочим. Да и каким-то уж странным получилось это так называемое похищение. Если бы на Ролэнси копали под него самого, в чем так неуклюже попытался убедить Аластара славный мальчик Рамман, то все бы выглядело иначе. Вилдайр Эмрис – не дурак, он прекрасно знает – с Эском всегда проще договориться. На взаимовыгодных условиях и без залога в виде женщины-шуриа. Общие интересы – вот к чему следует стремиться, а повоевать всегда успеем. Дил-

лайн принадлежит половина мира не оттого, что в их руках самое лучшее оружие, а потому, что все покупается и все продается. Сделка же есть сделка, и она удачна, только когда предсказуема и подконтрольна. В противном случае это авантюра, а Вилдайр Эмрис не любит авантюры и авантюристов.

Когда-то давным-давно отец научил Аластара пускать табачные кольца. Невелика наука: набрать в рот дыма, свернуть губы в окружность, а затем произнести быстро «Ау» или «Оу», одновременно напрягая губы и выталкивая дым щеками.

Без долгой практики первое колечко развеялось почти сразу же – историю с похищением Идгарда будем считать «ложью во спасение» и проявлением сыновней любви. Похвальное чувство, достойное, чтобы немного ему подыграть.

Второе колечко... Красивое и большое, почти как фрегат «Меллинтан», поплыло через весь кабинет. Пусть только немного наладится погода, и тогда он выйдет в море и отправится на встречу с Вилдайром Эмрисом. Им есть о чем поговорить с глазу на глаз и без лишних свидетелей, если, конечно, не считать посторонними два десятка офицеров и 378 матросов и старшин команды. Доклад господина Итсарро, агента, побывавшего в стране северян, вот что сейчас важнее всего... Это еще одно колечко, густое и терпкое...

Заодно наметим проект договора. Сепаратного договора, если угодно. Придется тяжело... Несколько мелких колечек,

весело устремившихся друг за другом. Слишком много вопросов – остров Тэлэйт, пролив, взаимоотношения с Конфедерацией и... Аккуратное маленькое колечко – Джона.

Хитроумная лгунья! Аластар фыркнул от напускного возмущения. Пожалуй, он – в гневе, он практически в «страшном» гневе и одновременно в полном восторге. Как ловко Джона обвела его вокруг пальца! Да и он сам умудрился выставить себя болваном, когда поверил в то, что младший от Бранда Никэйна. Воистину, мужчины – сущие младенцы, когда речь идет о детях.

То незабываемое лето после одиннадцати годов разрыва, смерти Никэйна, вендетты и бурного примирения просто не могло остаться лишь счастливым воспоминанием. Пока наемная актриска вдохновенно изображала вдову Бранда, врачующую на водах душевные раны, они с Джоной сбежали от всего мира в единственное место, где их не нашли бы. В Освин, на берег священного озера, где восемьсот лет назад стоял замок клана Эск. Первый дом диллайн на земле Джезима. Шуриа впала в экстаз, лишь увидав древние развалины – две мрачные стены, уцелевшие от тронного зала. Ходила, касалась пальчиками серого грубого камня, что-то шептала, улыбалась чудной улыбкой, хмурилась – и светилась, светилась, переполненная Жаждой Жизни, точно спелая виноградинка на солнце.

Аластар видеть духов не мог, а потому лежал на траве, точно так же курил и любовался самой прекрасной женщи-

ной, которую ему подарила судьба. Как она плещется на теплом мелководье отмели в одной короткой нижней сорочке, хохочущая, искушающая... И конечно, он не смог устоять. Снова не смог. И не хотел. Потому что, как ни банально это звучит, но за все деньги мира не купить бескорыстную искреннюю любовь.

Скорее всего, именно тогда Аластар Эск стал отцом Идгарда. Как двенадцатью годами ранее – отцом Раммана.

«Что ж, пусть парень потешится страшной тайной. Это даже полезно для кровообращения. А женщины... женщины всегда одинаковы, любят ходить пусть по опасной, но протоптанной дорожке, и если один раз получилась уловка, то обязательно повторяют еще...»

– Думаешь о своей шлюхе?

Походка диллайн почти бесшумна, и как вошла Лайд, хозяин кабинета не слышал. И отвечать тоже не стал, только открыл глаза, затянулся дымом и убрал руку с ширинки брюк.

– Что ее малолетний выползок делает в нашем доме? Как ты посмел привечать сына своей подстилки под одной крышей с законной семьей? И после этого ты хочешь доказать мне, что ничего между вами не было?!

Аластар в глубине души полагал, что двести лет понадобились эсмондам, чтобы добиться появления этих склочных истеричных интонаций, от которых по всему телу встают дыбом волосы. словно ржавой пилой пилят пушечное ядро.

– Доказательства! Им всем нужны доказательства! Иди-

оты! Какие доказательства, если я видела, как ты смотрел на нее. Напомнить тебе? Осенью на приеме у Атэлмара... – И тут же исправилась: – У Его Императорского Величества. Как ты на нее посмотрел?

Мысленно Аластар от досады хлопнул себя по лбу. Да, тут он оплошал. Но после полугодовой разлуки и трех, Предвечный помоги, неудавшихся по множеству причин свиданий он уже не мог думать ни о чем, кроме как о шпильках, которые выдернет из жестких черных кос, и тоненьких щиколотках Джоны. Что поделаешь, никто не совершенен, а мужскую похоть еще никто не отменял.

– Ни на одну из своих бесчисленных баб ты никогда так не смотрел! – вспыхнула Лайд, натолкнувшись на ледяное безразличие мужа. – Ты забыл про свои обязательства перед Святыми Эсмондами? Так я тебе напомню! Три ребенка мужского пола, трое наших сыновей должны стать высшими иерархами Круга – это твой долг перед народом.

Сколько раз Аластар Эск слышал эту фразу? В принципе, можно подсчитать точно. Семнадцать лет в браке, через день, вычесть примерно шесть лет, которые он с радостью провел вдали от дома. Итого – примерно две тысячи цитат. И обычно этими словами Лайд заканчивала обвинительную речь, после чего шли рыдания, а следом уже полноценная истерика. От графа требовалось лишь хмыкнуть и вернуться к своим делам.

– Я все знаю! Я не такая дура, как ты думаешь!

«Предвечный, она же красивая женщина: правильный овал лица, чувственные губы, большие глаза, – подумалось Аластару. – И даже голос, когда она разговаривает с тивом Херевардом, приятен. Но почему эта прекрасная оболочка пуста?»

– Я знаю, что тебе уже неинтересны обычные шлюхи, которыми полна Саннива, теперь тебе подавай что-то особенное! Потянуло на экзотику! Шуриа! Предвечный! Тебе захотелось отведать змеятки? Я не дам свершиться непотребству, ты не осквернишь наше супружеское ложе!

Леди Лайд бушевала, она бегала по комнате взад и вперед, отмечая самые удачные, на ее взгляд, словесные пассажи подниманием и опусканием с грохотом стульев. Прекрасное упражнение для поддержания физической формы, но не посреди ночи же. За столько лет регулярных скандалов слуги настолько привыкли, что уже и не подслушивали под дверь. Зачем, если миледи не в состоянии придумать что-нибудь новенькое? Напоминания о долге перед эсмондами, обвинения в неверности, жалобы на отсутствие любви к законной семье. За столько лет можно выучить наизусть. И все это – чистая правда.

– Ты меня не любишь и никогда не любил!

Тоже не новость. Когда Аластара познакомили с долгожданной невестой, он был потрясен, оскорблен и унижен. Кукла она из плоти и крови, существо без единой собственной мысли – и больше ничего. И ради этого создания ему

пришлось отказаться от Аримы Лоэ, видеть, как она уходит к другому, быть безмолвным свидетелем чужого счастья? Ради сочетания с этой племенной кобылой умерли его дети от Ид-гит? Аластар нисколько не сомневался, что странная смерть обеих девочек имеет только одно объяснение – эсмонды напомнили своему должнику, что не потерпят Эсков-бастардов. Ему триста лет, он глава могущественного клана, тысячи сородичей смотрят на него почти как на владыку, но для Эсмонд-Круга Аластар Дагманд Эск всего лишь носитель потребных для волшебного дара качеств, ничтожество с очень дорогой кровью, с которым никто не собирается считаться.

– Госпожа Сименна гадала мне на потрохах чайки и сразу сказала, что шуриа тебя приворожила.

За семнадцать последних лет леди Эск не была замечена за чтением книг, она не занималась рукоделием или благотворительностью и не воспитывала дочерей. Все свободное время она проводила либо у модисток, либо у гадалок. Гадала на картах, по внутренностям животных, по форме пальцев, ушей, носа, по моче и мужскому семени. Узнав о последнем способе, Аластар окончательно покинул супружескую спальню и перебрался в соседнюю с кабинетом комнату с диваном.

– Я ничуть не жалею, что наняла ролфи убить змеюку, я надеюсь, она свернет себе шею, а ее выродки сдохнут. Она недостойна иметь сыновей, эта богопротивная тварь. Я знаю,

почему ты так на нее смотришь! Ты хочешь известить меня шурианским колдовством. Не выйдет! Не дождешься!

Присущая всем диллайн плавность движений всегда со стороны выглядела угрожающе. Поэтому, когда Эск легко встал из кресла, его голосистая супруга испуганно замолчала. Он осторожно, чтобы причинить легкую боль, но не повредить, взял женщину за ухо и вывел в коридор. Все так же молча вернулся и закрыл дверь на ключ. А потом, как следует подумав, задвинул еще и щеколду.

Грэйн и Джона

Снаружи снова бегали и кричали, иногда постреливая. «Палят по кустам наудачу», – подумала Грэйн, не опуская своего оружия. Одной Локке ведомо, что предпочла бы сейчас эрна Кэдвен, будь у нее выбор – попытать счастья в перестрелке с загонщиками или цепенеть под немигающим янтарным взглядом диллайн. Наверное, все-таки первое. Синтафские вояки были как-то... понятней. А этот... глаза он отвел погоне, что ли? Или дворняги просто исполнили свою миссию до конца, загнав добычу именно туда, куда и следовало?

Волшебник молчал, этак спокойно помалкивал, по-домашнему, умиротворенно. Словно ничуть не сомневался, что беглые девицы никуда от него не денутся.

«Ну, поглядим», – решила ролфи, когда первый страх схлынул, а крики вокруг пещеры отдалились и затихли. Она выпрямилась и, покрепче стиснув мокрые и холодные пальцы на мушкете, скомандовала:

– Джозейн... попробуй выглянуть, только осторожно. Я присмотрю за этим, если что.

Шуриа послушно сунулась к выходу. Грэйн ждала, стараясь не стучать зубами слишком громко.

– Не получается, – напряженно выдохнула графиня. – Не выйти... и не выглянуть даже.

«Не мухи в паутине, но две глупые осы, упавшие в остывающее варенье», – подумалось Джоне.

– Иди сюда. Пистолеты с тобой?

Ролфи старалась, чтоб голос ее звучал твердо и уверенно, но получалось не слишком хорошо. Магия! Диллайнская магия... У Грэйн вдруг позорно скрутило живот, колени чуть не подогнулись. Шуриа подошла сзади, и, почуяв ее тепло, эрна Кэдвен смогла вздохнуть.

– Да. Заряжены, – и леди Янэмарэйн щелкнула взводимым курком.

Диллайнский волшебник не казался шуриа опасным, но демонстрация собственной силы и решительности лишней не будет.

«Пусть знает, что мы... А что мы ему можем сделать? Но все равно – пусть знает». Джона едва сдержала нервный смешок.

– Хорошо. Держи наготове и не подходи к нему, – сказала ролфийка.

Пошире расставив ноги, Грэйн недвусмысленно повела штыком и предупредила:

– Кто бы ты ни был, диллайн, я успею проткнуть тебя, прежде чем ты ее тронешь.

Лицо диллайн исказила какая-то странная гримаса: губы сжались в ниточку, уголки дернулись... Когти Локки, да это же улыбка... Нет, даже не синтафских солдат... пожалуй, Грэйн предпочла бы общество желтоглазого смеска – тива Уда-

за. Или капитана Нимрэйда. Даже неудачливый полукровка-тив показался ролфи сейчас близким и родным, а уж про шурианского змея и говорить нечего, тот ведь даже удавить не пытался!

– Волк оберегает змею, – молвил волшебник. – Змея защищает спину волка. Как необычно.

И штык Грэйн опустился сам собой, а желание помочиться стало нестерпимым.

– Идемте, – он поманил их рукой и, повернувшись, зашагал в темноту шахты. Причудливо изогнутая, тень его скользила следом.

– Ну, по крайней мере, тень у него есть... – пробормотала Грэйн и обернулась к спутнице: – Что будем делать? Ты про них знаешь больше моего, Джозйн. Что думаешь?

Леди Янамари видела в своей жизни много чистокровных диллайн, некоторых... раздетыми, и не только видела. Но большинство не были волшебниками. И только тиву Хереварду перевалило за тысячу. Самый сильный, самый могущественный эсмонд Синтафа. Во всяком случае, раньше Джона так считала. Пока не увидела этого...

«А может, это сам Предвечный, решивший вдруг сойти на землю во плоти?»

– Надо идти, если зовет, – отозвалась шуриа. – Разве у нас есть выбор?

«Давай, эрна, ты потерпишь с вопросами. Я и сама уже не знаю, что думать», – растерялась Джона.

– Не думаю, что он есть, – ролфи вздохнула и, сняв штык, закинула мушкет за спину. – И оружие, похоже, не поможет... Ладно. Поглядим. Они же не едят таких, как мы?

Графиня в ответ непонятно хмыкнула – дескать, откуда такая уверенность, может, и едят.

– Локка защитит, – буркнула Грэйн с убежденностью отчаяния. – Непременно.

– Надеюсь, – без иронии и сарказма ответила шуриа, и от этой серьезности Грэйн немедленно захотелось не только помочиться, но и... и похоже, что в этом желании она была не одинока.

Когда на тебя смотрит... нет, вряд ли бог, но кто-то подобный ему. Только не на фреске, а живой, из плоти и крови, с теплой кожей и блестящими глазами. И слышишь не священную песню, а его голос...

«Великие Духи! Сделайте что-нибудь, иначе я ослепну». Дух его, который видят шуриа и не видят все остальные, сиял во тьме.

– Нас двое, – напомнила ролфи. – А он один. Пошли, раз решили, а то уйдет сейчас и фонарь унесет. Мы тут себе ноги переломаем без света.

– Зачем тебе свет, волк? – невозмутимо сказал уже порядком удалившийся от них диллайн. – А змее и вовсе не нужны глаза, чтоб знать, куда идти. Но не отставайте, а то пройдете мимо выхода.

– Вот видишь, – прошипела шуриа. – Есть второй выход!

– Хорошо, если так, – шепнула Грэйн. – Слышит нас, ушастый... Подбери подол и дай руку. Ты, может, и змея, но не мышь же летучая.

И они пошли, поддерживая друг друга в потемках. Вопреки речам волшебника, свет беглянкам все-таки был нужен. Во всяком случае, Грэйн больше доверяла глазам, чем заложенному носу, а в крошечной тьме даже кошки не видят, не то что волки. Да и сам этот... пещерный сыч... с фонарем ведь ходит, а не впотьмах летает!

– Фонарь я взял для вас, – диллайн, оказывается, слышал не только шепот. Грэйн с ужасом попыталась приструнить собственные мысли – не вышло. Боги! Да как же так можно! Даже то, что творится у них в головах, не тайна... и как же быть?

– Только то, что творится в твоей голове, ролфи, – хмыкнул в полумраке волшебник, точнее, его призрачный силуэт. – Ты громко дышишь, молодой волк, а думаешь еще громче... Дыхание змеи неслышно, мысли змеи темны и извилисты, сокрыты, словно корни в земных недрах...

«И когда я закрою глаза, и когда затворю уста, то во тьме и тиши услышу, как бьется сердце этого мира. Там в глубине оно – большое и горячее», – повторяла Джона про себя слова старой-старой песни шуриа. Ее пели, когда оказывались где-то под землей, чтобы согреться, успокоиться и сосредоточиться на поиске выхода. В конце концов, ползучие гады больше остальных живых созданий любят солнечный свет и

нагретые камни.

— Тогда змеям повезло, — буркнула Грэйн, разозлившись и обнаглев от страха и досады. — Ползают себе во мраке, и даже диллайнский колдун их не слышит.

— Я этого не говорил, — молвил их... проводник? Или пленитель? — Теперь помолчи, молодой волк. И ты, юная змея, помолчи тоже. Ступайте след в след за мною и не поднимайте глаз от тропы, когда мы выйдем наружу.

Обе женщины, не сговариваясь, так и сделали — уставились в слежавшуюся землю под ногами, причем сразу, не дожидаясь, пока диллайн выведет их на свет.

Даже сквозь веки Джона видела эсмонда, словно несла на вытянутых перед собой руках кубок, полный золотого огня. Он встретил столько рассветов, что, должно быть, при желании мог заставить солнце никогда не опускаться за горизонт. Он застал столько закатов, что мог поймать ночь в силки. Он видел столько полнолуний и новолуний, что ночные светила начали с ним здороваться. И Джона летела следом за размеренно шагающим по подземному коридору чародеем, как глупый маленький мотылек за пламенем свечи.

Грэйн изо всех сил старалась не сопеть и не думать, не думать... изгнать из головы все мысли до единой, а лучше вообще забыть, для чего человеку голова. Пусть под крышкой черепа останется только пыльная пустота, меня нет, нет и не было никогда... И вскоре — удивительное дело! — ролфи и впрямь перестало занимать что-то, кроме опасения насту-

пить ненароком на пыльный край долгополого одеяния колдуна. Этот обтрепанный подол мелькал перед ее взором по тропинке – туда-сюда, туда-сюда, шорк-шорк... словно диллайн следы хвостом заметал. Где тут было заметить тот миг, когда они вышли из холма на эту тропку! Шорк– шорк... Единственный звук во всем мире, даже дыхание идущей позади шуриа неслышно, будто она стала тенью... а может, тенью стала сама Грэйн?

«Я – тень от тени... – размеренно шуршало в опустевшей голове ролфи. – Тень от тени полуденной... нет меня, нет...»
– Ты слишком далеко убежала, ролфи. Вернись.

Грэйн моргнула и мотнула головой, вырываясь из жестких пальцев, впившихся ей в подбородок. Ярко-желтые глаза колдуна были совсем близко, горящие, словно огненные колеса. Ролфи отшатнулась и мертвой хваткой вцепилась в рукав застывшей рядышком Джоэйн, а та немедленно схватилась за Грэйн. Эрна Кэдвен до крови закусил губу. Да что ж это делается?! Почему она теперь трясется и потеет от страха, она, смотревшая в глаза самой Локке? Да кто он такой, этот колдун? С виду – совершенно не страшный. Диллайн как диллайн: высокий, тощий, крючконосый и желтоглазый. Руками не машет, заклятий не плетет, к своему совиному богу не взывает. Грэйн не любила бояться. Слишком часто и долго ей приходилось это делать – смирять естество, бороться со страхом, подавлять мерзкую дрожь в коленках и чувствовать, как по спине крадутся мурашки... Ничего приятного. И от-

выкаешь довольно быстро, стоит лишь разок дать себе волю. Но тут... Нынешней панике не было никакого рационального объяснения, а потому Грэйн всем существом своим желала как можно быстрее с этим покончить.

– Что... – начала было ролфи, но горло перехватило новым приступом ужаса, и вместо нее продолжила шуриа:

– Что вы собираетесь с нами делать?

«Боги, – с отвращением к самой себе подумала эрна Кэдвен. – Дожила! Шуриа, маленькая слабая шуриа учит меня отваге!»

– Зачем вы нас спрятали? Спасли? – подхватила ролфи, чтоб не отставать от спутницы.

– Забавные, – диллайн снова скривил губы в неестественной гримаске, заменявшей совиному племени нормальные улыбки. – Живые. Можете разговаривать, – он повел рукой в разрешающем жесте, и Грэйн только сейчас поняла, что они уже давным-давно стоят посреди некоего помещения. – Можете есть. Спать. Выходить не надо. Я вернусь позже. Вас не найдут.

И стремительно и бесшумно вышел, почти вылетел, взмахивая широкими темными рукавами, словно настоящими крыльями. А фонарь оставил.

Джона дернулась, но удержала себя на месте. Если бы не Грэйн, шуриа бы бежала следом, поскуливая от счастья при каждом мимолетном взгляде, брошенном на нее.

Круглый очаг, сложенный из камня в центре пещеры, еще хранил тепло огня, словно вся эта стрельба и беготня оторвала диллайн от готовки. Легко себе вообразить, как он нахмурился, поразмыслил и решил-таки посмотреть, что там происходит в его лесу. Встал и наскоро задул огонь. Пепел не успел остыть.

На разных полочках самодельная глиняная посуда – удобная и красивая в своей простоте. Пучки трав на стенах и разложенные на холстине для сушки: пустырник, лапчатка, горец, полынь, тысячелистник. На полу возле очага звериные шкуры. И все обжито, причем не за один год.

Разглядывая жилище этого странного волшебника-одиночки, Грэйн слегка отвлеклась от своих подозрений и страхов, но вид восторженно уставившейся вслед колдуну соратницы ее миготом отрезвил. «Началось! Завораживает!» – испугалась ролфи и с силой дернула замечтавшуюся Джоэйн за рукав:

– Ты куда это собралась, а?

Джона встрепенулась, как будто проснулась ото сна, и с трудом оторвала взгляд от тончайшей резьбы по грушевому корню, из которого хозяин выточил рукоять для ножа. Эта вещь была живая и такая древняя...

– Что? А! – ахнула она. – Ты видела, какой он? Грэйн, ты видела?!

Голос дрожал от восхищения, хотелось разделить радость встречи со столь великим существом, но потом шуриа

вспомнила, что ее спутница – ролфи, а значит, не может видеть духов и чувствовать жизнь вещей. И попыталась объяснить:

– Он не просто диллайн и не просто волшебник. Он, наверное, самый древний и самый могущественный чародей народа Дилах.

В тонком мире среди слабого мерцающего света духов их спаситель полыхал как зарево.

– Ах, Грэйн, если бы ты могла это видеть! Он почти божество, он так велик, – разочарованно вздохнула леди Янамари и развела руками. Дескать, вот обидно-то как!

«Ну, точно! Вот они, диллайнские чары!» – решила ролфийка.

Каждое слово, слетавшее с уст зачарованной шуриа, только укрепляло подозрения Грэйн. «Уже бредит», – решила она, а потом вдруг вспомнила, что Джоэйн и вправду вроде как видит незримое. Сомнительно, конечно, но что, если это действительно так? Однако ролфийский скептицизм касательно чужого колдовского величия так просто не перебьешь. Тем более что единственный совиный колдун, которого Грэйн довелось встретить, так сказать, наяву, своими заклинаниями ее... не впечатлил. Во сне – другое дело, и чародей был другой... но ведь сейчас она не спит!

– Да? – с недоверием поморщилась эрна Кэдвен. – Ну, тогда это плохо, – и, видя недоумение спутницы, пояснила, обводя широким жестом диллайнское... гнездо: – Это твоё по-

что божество нас, похоже, заперло.

Джона не удержалась и взяла с полочки глубокую тарелку. Ее слепили так давно, что она забыла, как была глиной. Великие Духи! Как, в каком веке, при каком государе, в каких краях?

– Нет... Не думаю, что он станет нас держать в плену.

Тут не нужно даже гадать. У этого человека все есть. Ему нужна тарелка, но ему ни к чему две чужие женщины.

– Ну суди сама, зачем мы лесу, или озеру, или морю?

– Вот и мне интересно, зачем мы вдруг понадобились древнему могущественному диллайнскому магу. Разъясни мне это, о проницательная шуриа. Этого ты не разглядела в его духе? Чего ему от нас надо?

«Как же объяснить ролфи, что кому-то может не быть никакого дела до всего, происходящего снаружи, в смысле, вне его разума?»

– Понимаешь, эрна, я не могу знать, чего ему от нас нужно, – сказала Джона и подумала:

«Мне кажется, ему всего лишь претит убийство двух... женщин? Самок? Живых существ».

– Я сужу о его силе и думаю – если бы диллайн хотел нас убить, мы бы просто перестали дышать. Он такой сильный... он такой могущественный... Я никогда не думала, что эсмонды могут стать чем-то большим, чем просто колдунами.

«Вот именно, – хмуро подумала Грэйн. – Чересчур могущественными».

А вслух сказала:

– Я тоже не предполагала, – и добавила решительно: – Опасные твари эти эсмонды. Священный Князь должен узнать, что они и такими бывают... А ты, – ролфи обвиняюще ткнула пальцем в Джоэйн, – слишком доверчивая!

Но, верно, чары диллайн пока были сильнее голоса разума. Шуриа обвинениям не внимала и возвращаться к реальности не спешила. И Грэйн терпеливо попыталась еще раз, стараясь говорить как можно убедительней, словно разъясняла самой тупой из новобранцев в форте Логан порядок оформления приходных документов:

– Он – диллайн, он – эсмонд, он – враг. А раз он такой сильный, как ты говоришь, значит, он очень опасный враг. Боги, а вдруг он нас так зачарует, что мы и не поймем, а? – Мысль эта показалась очень неприятной, но вполне логичной, и Грэйн поежилась: – Вдруг внушит что-нибудь... что-нибудь противоестественное?!

Джона чуть не засмеялась, сумев удержаться от насмешливого фыркания, только чтобы ненароком не обидеть ролфийку. Она же не виновата.

– Как думаешь, море может внушить тебе что-то противоестественное? Или, например, гора? Грэйн, я не наивная, я, в отличие от тебя, много раз сталкивалась с настоящими эсмондами. Так вот этому... не знаю, можно ли ему доверять, наверное, все-таки не стоит. Но бояться его не нужно – это точно.

Грэйн с нетерпеливым стоном закатила глаза. Ну как она не понимает?! Боги, как же тяжело с этими... женщинами! Стоит им только встретить могущественного и... ну да, красивого, нет смысла отрицать... мужчину – и все! Куда утекают женские мысли? Правильно, ниже пояса! А все эти красивые рассказы про магию, величие... кого шуриа пытается обмануть? Тем более что сама призналась – сталкивалась с эсмондами! И много раз!

«Ну, у меня-то с головой пока все в порядке! На меня эти чары не действуют», – гордо подумала Грэйн и упрямо выпятила губу:

– Он был у меня в голове! – Для наглядности ролфи постучала себя по лбу. – Понимаешь? Это – противоестественно! Гора не может залезть в голову к ролфи. И море не может. По-твоему, я не должна бояться? А вдруг после всего я... я возьму да и пырну Священного Князя скейном? Или – убью тебя?

Шуриа смотрела... странно. С недоверием. Видно, Грэйн все-таки плохо умела объяснять такие простые вещи. И ролфи сдалась, пробурчав уже тише:

– О да, конечно... Нам, тупым ролфи, этого не понять...

«Великие Духи! Как они живут? Как она живет в мире, где все, абсолютно все, имеет только размер и вес? Да лучше каждый раз гадать, проснешься ты или нет, чем существовать посреди бездушных декораций!»

Джона вдруг вспомнила лукавую усмешку Элишвы и ее

непонятные слова: «Они не нас прокляли, а себя!» Кто знает, может быть, шаман рассказал ей и о том, что проклинаящий обрекает и себя на кару? Дева Сигрейн принесла страшную жертву, а ролфи остались без сердца.

– Если тебя хлестнуло веткой по спине, это вовсе не значит, что на тебя разгневался лес. Это значит, что ты просто была неосторожна, когда шла по тропинке, – уклончиво молвила шуриа и, чтобы еще больше не смущать эрну своими странными сравнениями, поспешно добавила: – Этот человек... диллайн... Он почти Великий Дух. А Великие Духи... они просто не замечают людей. Мы для них слишком мелкие существа. Ну как кролики или синицы. Вот ты станешь говорить с синицей? Нет ведь. Мы – просто две пичужки, залетевшие ему в окно.

Ничего умнее Джона все равно придумать не смогла.

– Но ведь боги говорят с нами, – Грэйн пожала плечами. – Значит, для них мы не такие уж мелкие. Синицы... пичужки... скажи еще – мошки. Хочешь сказать, что он выше богов? Твои духи тоже с тобой говорят. И что – диллайн выше их? Он – не Локка и не Морайг, да и на Глэнну не похож, а уж про Оддэйна и говорить нечего. Значит, он не бог. А мы – не пичужки, Джоэйн. И если нас, ролфи, не замечают... Поверь, не стоит нас не замечать, а то ведь мы можем и напомнить о своем существовании.

И тут леди Янамари не выдержала и, заговорщически подмигнув, хихикнула:

– Правильно. Давай ему что-нибудь подожжем? Напомним о себе, что мы есть.

Нет, все-таки эта пещера Джоне определенно нравилась. Каждый уголок, каждая вещь. Даже закопченный котел на треноге – и тот прекрасен. Потому что по-своему любим своим хозяином. Вещи долго-долго помнят заботу человеческих рук.

– Он тут давно живет, очень давно... Обжился, обустроился...

Джона наугад заглянула в один из горшочков и нашла прошлогодний мед. В тряпице с солью хранился кусок сала. А как пахли травы! Нашлась тут калина и багульник, кипрей и чабрец, шалфей и лаванда.

– Тут есть все, чтобы тебя полечить, – обрадовалась шуриа и деловито потеряла руки, предвкушая сеанс врачевания.

– О, – Грэйн ухмыльнулась, откинувшись спиной на лавку у очага. Руки она заложила за голову и с хрустом потянулась, сразу закашлявшись. – Это хорошо. А пожрать нашла? Это твое божество сказал, что мы можем поесть. И, кстати, нам и помыться бы не худо... – и, повинувшись глупому желанию если не объяснить, то хотя бы оставить за собой последнее слово, добавила серьезно: – Без нас нет богов, шуриа. Они создали нас, но и мы создаем их, каждый день, каждый час... каждый из нас. Я смотрела в глаза Локки, но и она смотрела в мои. И знаешь что? Мы худо-бедно обойдемся без богов, а вот они без нас – нет. И наши боги всегда об этом помнят...

и не считают нас пичужками и мошками. – И подмигнула тоже. – Так что поджигать не будем. Пока.

– Я не сильна в богословии, да и нет у моего народа богов. Мы просто живем. – Джона пристально посмотрела на спутницу, пытаясь понять, к чему идет этот разговор про богов, и решила не торопиться с выводами. – И тебя неплохо было бы вернуть к жизни. Я тут нашла барсучий жир. Будем лечиться от кашля, эрна. Ты мне нужна живой и здоровой, так что не упирайся.

– Барсучий жир... – ролфи передернуло. – А что дальше? Собачья моча? Но с этим поганим кашлем я и впрямь далеко не уйду...

Увы, древние и безотказные методы лечения простуды, практиковавшиеся на Ролэнси из века в век, сейчас были недоступны. Не найдется тут ни жаркой бани, ни настоящего на двух дюжинах трав самогона с острова Конрэнт, ни настоящего целителя, чьи безжалостные руки изгнали бы из тела Грэйн болезнь... Придется обходиться тем, что есть, – сомнительным шурианским шаманством и барсучьим жиром. Бр-р-р!

– Да я и не собираюсь упираться... – Грэйн обреченно пожала плечами. – И если зашла речь о еде, готовить будешь ты, а то у меня, что бы я ни задумала, все равно выйдет каша «картечь» из меню форта Логан... Тебе не понравится. К ней привычка нужна.

Джозэйн быстро кивнула, видно, представив себе вкус блю-

да, которое даже всеядные ролфи называли «картечью». Но испытать графские способности в кулинарии Грэйн не довелось. Без шума, стука и даже шелеста вернулся золотоглазый колдун, встал в проходе и молча поманил женщин за собой.

«А вот и божество себя явило!» — мысленно съязвила ролфи, уже не заботясь, что диллайн прочитает ее мысли. Пусть читает, коли охота! И пусть знает, что Грэйн его уже не... скажем так, уже не так боится, как поначалу!

Хотя кое в чем Джоэйн была все-таки права. Сын Локки-Огненной и впрямь был красив как бог. Во всяком случае, глаза у него были... э-э... материнские. Грэйн не могла знать, каким их... спасителя?.. видит Джоэйн, но самой ролфи при взгляде на этого диллайн чудились отсветы священного костра крылатой богини. Не равен Ей, нет, конечно же нет! Но... достаточно к тому близок. Чересчур близок, на вкус Грэйн.

Как оказалось, гостеприимство хозяина пещеры было столь велико, что он безо всяких просьб догадался приготовить гостям баню. Весьма благородно с его стороны. Хотя, вполне вероятно, не только сочувствие служило тому причиной, но и простая брезгливость, ибо дамы были столь грязны, что едва не прилипали к полу. Недоброй памяти синтафские бродяги по сравнению с беглянками смотрелись бы чистюлями, а свиньи майора Фрэнгена и вовсе брезгливо отворотились бы рыла, зайдя Грэйн в их обиталище в таком неприглядном виде. Поэтому к наполненной чистой водой огром-

ной деревянной бадье девушка устремилась с радостным поскуливанием, чуть ли не вприпрыжку, а когда добрый хозяин эту воду еще и нагрел, благодарность ролфи переросла почти в благоговение. Вот это было чудо так чудо! Вполне даже божественное. А если припомнить еще, что в руках этот... м-м-м... пусть будет посланец богов!.. держал пару крупных кроликов, да предположить, что зверьков ждет участь превратиться в жаркое...

«Молитвы я ему, конечно, возносить не буду... – благодушно думала эрна Кэдвен, намыливая тощую спину спутницы. – Но вот хвалебную песнь сложить – запросто! И даже с большим удовольствием».

Вымыть голову... боги... оттереть спину восхитительно жесткой мочалкой! Мыло диллайн, верно, варил тоже сам – настоящее душистое мыло, прямо-таки роскошное, не чета тем склизким здоровенным брускам, что полагались по чину прапорщику ир-Марен – по одному в месяц. Оно пахло детством, домом... волосы от него распушились, а дубленая шкура ролфийской офицерши приобрела несвойственную ей мягкость. Чудеса, настоящие чудеса...

– Вот это, я понимаю, волшебство, – умиротворенно мурлыкнула Грэйн, встряхивая волосами. Отросли уже, кстати... пора стричь, а то окажется вдруг, что коса длиннее, чем полагается по уставу. – Интересно, а ножницы у него найдутся?

– Можно спросить, – пробурчала Джона, с тоской проводя

расческой по остаткам кос. – У него смотри сколько всего есть.

Жесткие и густые, высыхая, волосы шуриа тут же вставляли дыбом, и если судить по тому, что чувствовали руки, женщина теперь походила на ободранный черноголовый одуванчик.

Можно себе только вообразить, как разочаруется Вилдаир Эмрис, узрев такую неказистую добычу.

А с другой стороны, с прежней прической она бы завшишела, как любая бездомная бродяжка. И по лесу особенно не побегаешь, и купание в ледяном ручье окончилось бы фатально: мозговая горячка – штука смертельная. Но кос-то, отрачиваемых с самого детства, все равно очень жалко. Хорошо хоть голова все еще на плечах – и то утешение.

Глядя, как ловко ролфи управляется со стиркой одежды, Джона попросила научить и ее, никогда прежде этим делом не занимавшуюся.

– Тоже мне наука, – фыркнула Грэйн. – Сначала намочить в воде и намазать мылом, потом во-о-от так руками тереть, а затем сполоснуть. И так несколько раз. Пока чистым не станет.

Получилось не сразу, но худо-бедно от грязи избавились. – Мне тоже надоело в заскорузлых подштанниках ходить. Да и панталончики неплохо бы чистые надеть, верно? – усмехнулась ролфи, отмечая прачечные успехи имперской аристократки. – Ты – молодец, Джозэйн.

Шуриа с сомнением осмотрела белье. По какой-то причине у ее слуг выходило лучше. Скорее всего, из-за частой практики, не иначе.

Добрый хозяин не только оставил купальщицам по куску полотна, чтобы они могли прикрыть наготу, пока будет сушиться одежда, он еще и ужин приготовил.

Кроликов! Прекрасных, вкусных, нежных кроликов. С капустой, чабрецом, сушеными грибами и прошлогодними яблоками потушил, а не просто кинул в котел куски мяса. И эти кролики так пахли, что пока Грэйн и Джона донесли до рта первую ложку, чуть сами не захлебнулись слюной. Мясо просто таяло во рту. Аристократка и прапорщица, разом утратив все манеры, с урчанием набросились на угощение, как оголодавшие кошки. Сок тек по подбородку Джоны, а руки сами тянулись за добавкой. После ежатины желудок шуриа ликовал.

«Была б я в штанах, пришлось бы расстегивать ремень, — подумала Грэйн, поглаживая живот и сыто отдуваясь. Блаженная истома разливалась по телу томительно-сладкой волной. — Это все не по-настоящему. Это не может быть по-настоящему! Видно, нас все-таки убили... или так крепко ранили, что я лежу сейчас без чувств, в бреду, и грезится мне чудесная сказка... Подземный чертог, где всего вдоволь, гостеприимный колдун с золотыми глазами... И пусть! Раз это все бред, тогда и стесняться нечего»!

Приключения героев в ролфийских сказаниях одной только баней и пиром не ограничивались. Впрочем, героями преданий обычно были могучие воины, а чудесными их хозяевами – прекрасные девы, но этот момент эрну Кэдвен не смущал. Это же сон, а во сне всякое может случиться. И нет тогда смысла бояться и стесняться, ведь это не наяву, это всего лишь видение...

Вот ролфи стесняться и не стала. Для полноты счастья не хватало еще и выпить чего-нибудь такого же чудесного и вкусного, как и волшебная еда... для начала.

– Не знаю, как насчет пичужек... но накормил он нас как на убой. Хорошо! Жалко, эля нет... Я бы выпила... нет, я бы напилась.

«Потому что если это все-таки не сон, а явь, – подумала она, – лучше бы мне напиться».

– Я бы тоже выпила. Немного... глоточек вина, не больше, – поддержала ролфийку Джона.

А когда та покосилась вопросительно, пояснила:

– Я не люблю хмельного. Шуриа пьют очень мало.

Может быть, когда-то давно, еще до нашествия ролфи и Проклятья Сигрейн, сородичи Джоны и знали толк в питии, но жестокое протрезвление на грани Порога быстро отучило их от хмельных радостей. До замужества и придворной службы леди Янамари вообще была трезвенницей.

– При дворе Атэлмара Седьмого пили все, пили много. Пришлось учиться. Вот уж я намучилась, – вздохнула она. –

Но сейчас... сейчас для полного счастья не хватает только кубка с вином.

Грэйн неожиданно погладила шуриа по плечу. Переживала.

«Как все, оказывается, просто, – удивилась Джона, поглядывая на исполненную сочувствия девушку. – Чтобы ролфи не кусались и не рычали, их надо хорошо кормить и вдосталь поить. Ну, и за ушком чесать иногда. За такое открытие не грех и выпить».

И тут, словно подслушав мысли и разговоры женщин, вернулся диллайн. И не один, а в обнимку с увесистым кувшином. Характерной такой формы – пузатенький, с тонким узким горлом.

Обрадованная Джойана лихо подмигнула соратнице:

– Ох! Ну вот! А ты говорила, что не бог. Все твои желания исполняются, стоит их только произнести. Каково?!

«Все-все желания? Вот так-таки и все?» – нет, ролфи не сказала этого вслух. Зачем? – колдун на то и колдун, чтоб слышать и понять, какие еще желания могут возникнуть у молодой, здоровой и сытой ролфийки, ежели ее напоить... Впрочем, желания эти даже оформиться еще не успели, не то что возникнуть, но... Пусть диллайн поостережется.

Собственные нескромные мысли развеселили Грэйн, а молчание колдуна еще и подзадорило, и она ляпнула уже бесстрашно, предвкушающе потирая руки:

– А ведь мы потом можем и проверить, бог или не бог... –

И ухмыльнулась, шалея от собственной смелости.

А проклятый диллайн все равно молчал! Но сладкое ягодное вино разлил, однако, на троих. Грэйн отпила и протянула с легким разочарованием:

– Девчачье питье! Вот у нас в форте Логан...

В форте Логан пили все, что горит, особенно зимой, когда долгими-предолгими ночами единственным развлечением обитателей крепости было изготовление напитков по новым рецептам. От перечисления ингредиентов, входивших в состав знаменитой «Свинки», нежную графиню точно бы вывернуло, а классическую «фрэнгеновку» или «комендантшу» гнали чуть ли не из портянок. Диллайнская ягодная наливочка такого эффекта, конечно, не даст, но... Грэйн чокнулась с повеселевшей Джоэйн и лихо опрокинула стаканчик. И чуть не задохнулась от неожиданности. «Девчачьим» напиток только казался, а эффект... Эффект был. И немедленный.

Джоэйн хихикнула и сверкнула зубами в игривой улыбке, и ролфи вдруг поняла, что на ее собственных губах гуляет точь-в-точь такая же бесстыжая улыбочка, а во взгляде, устремленном на этого потрясающе красивого, золотоглазого Локкиного сына, отчетливо светится вполне конкретный интерес. Щеки ролфи вспыхнули, она смущенно отвела глаза и подтолкнула шуриа локтем, мол, ты что, тоже? В ответном тычке от Джоэйн читалось откровенное – ага, и я!

«О-ой... – с пьянящим головокружением подумала Гр-

эйн. – Ой-ой-ой...»

«Ай-ай! – радовалась Джона. – Хорошо-то как! Как замечательно сидеть возле очага сытыми и чистыми, без страха смотреть друг на друга, смеяться, пить вкуснейшее вино и флиртовать с прекрасным колдуном. А главное – жить!»

Молчание колдуна ролфи уже не пугало и – вот чудеса! – почти не раздражало, разве что подзадоривало. Немного-словность на Ролэнси считалась за добродетель, к тому же под рукой у Грэйи имелась шуриа, в общении с диллайн гораздо более опытная... Может, у них вообще так принято – все время помалкивать?

«Надо выяснить!» – решила эрна Кэдвен и тут же обратилась за разъяснениями, уже не удивляясь тому, как хрипло звучит ее голос:

– Слышь, Джоэ... тьфу, чего я все тебя по-нашему именую? – мысль эта была неожиданной, но, пожалуй, своевременной. И в самом деле... может, шуриа вообще неприятно слышать, как Грэйи зовет ее по-ролфийски? Огорчать спутницу не хотелось, но это заковыристое «Джойана»... Язык Грэйи немедля начинал закручиваться в узел, едва лишь она пыталась это выговорить. Джойа-а-ана... К тому же – слишком длинно. Надо что-то покороче и попроще. – Тебя как лучше называть? «Джой-а-а-ана» мне не выговорить...

Шуриа залихватски выпила свой стакан и не стала ломаться:

– Можно Джона или Джони, меня так дед-прадед Эйккен

из твоей песни называл, или даже Джой. Меня так Бранд... муж мой покойный...

А диллайн все подливал им понемножку и подливал, да так ловко и незаметно, что Грэйн уже почти позабыла о его присутствии. Ролфи принялась перечислять варианты, словно пробуя имена на вкус:

– Джона... Джони... – нет, это все не то! Не хватало привычной ролфийской отрывистости, хотя... – Джойн! Давай будет Джойн, а? Красиво получается... и кратенько... Джойн... – и вопросительно подняла стаканчик, дескать, годится?

Столь лихо переименованная графиня рассмеялась:

– Да! А я тебя – Грэйн! И будем мы Джойн и Грэйн! – она тоже подняла стакан. – Как два великих героя!

«Какие именно великие герои?» – хотела было спросить Грэйн, но тут же забыла. В самом деле, какая разница? Есть вещи гораздо более важные: к примеру, торжественно сдвинуть стаканы в честь официального и окончательного знакомства, а заодно уж и выяснить, есть ли имя у гостеприимного хозяина волшебного чертога?

На диллайн они покосились обе, не спеша пить дальше. И тот не стал чиниться, тоже поднося свой стакан:

– Алфер.

Грэйн моргнула. Алфер – и?..

– Можете звать меня так, – пояснил чародей.

«Алфер – и все, – ролфи взгрустнулось отчего-то. – Как

же так... ни имени рода, ни владения... Может, он вообще изгнанник?» Подперев рукой потяжелевшую голову, Грэйн молвила протяжно:

– А-алфер... тоже красиво.

В именах сокрыта тайная суть, это все знают. Вот, к примеру, имя самой Грэйн означает «верность», любопытно, какой секрет скрывается за этим «Алфер»? И тут она вспомнила, что хотела же выяснить степень божественности их спасителя, и не стала дальше тянуть:

– А вот скажи нам, А-алфер, ты бог или, – ролфи осмотрела чародея сверху донизу и облизнулась, так понравилось ей увиденное, – все-таки не совсем?

И спутница тут же больно ущипнула Грэйн за ляжку, громко прошептав:

– Это неприлично, такое спрашивать.

И сделала очень озабоченное лицо.

«А что неприличного?» – удивилась ролфийка и вопросительно вздернула брови. Диллайн молча улыбался. Может, он вдруг онемел? Так нет же, вроде бы совсем недавно еще умел говорить...

Грэйн озадаченно нахмурилась и тоже шепотом спросила у Джойн:

– А что такого-то? Неприлично – это... вот если бы я спросила, блохи у него есть или нет, а так... Я ж не про блох, я ж про божественность! – Тут ролфи осеклась, задумавшись. А вдруг эту божественность тоже можно подцепить?

Ну, вроде блох или вшей? Или чего похуже... А заодно – и возвышенную молчаливость?

– Слуша-ай, Джойн... эти диллайны... они всегда такие молчаливые? – и широко улыбнулась, с ходу представив, в какой ситуации молчание и впрямь может оказаться золотом. Меньше слов, больше дела – а что, правильный подход! Почти по-ролфийски!

Пока Грэйн разглядывала диллайн, тот не стал дожидаться, чем для него закончится столь откровенный интерес. Он щедро подлил гостям вино и жестом предложил не останавливаться на достигнутом.

Сначала Джона пыталась на вкус определить, из чего хозяин сделал свой божественный напиток. Черника, малина, земляника, какие-то пряные травы... И наверняка немножечко колдовства. Безобидного, лукавого, лесного... Как в сказках. Иначе каким образом две перепуганные, преследуемые женщины вдруг ощутили себя шаловливыми девчушками, которые поочередно кидают на молчаливого незнакомца томные взгляды и тут же краснеют и смущаются своей игривой дерзости. Нет, тут без волшебства не обошлось. Алфер слова не сказал, а они обе уже готовы покуситься на его целомудрие. Впрочем... диллайн говорунами-то и не назовешь. Сдержанность у них в крови, и ее не меньше, чем расчетливости и безжалостности. Будь они прокляты, эти истинно диллайнские черты.

– Он никогда вида не покажет, – объяснила Джона рол-

фийке. – Они все такие. Я знаю. Однажды мне пришлось... – И она, охваченная воспоминаниями, жарко зашептала на ухо Грэйн.

Конечно, приятнее верить, что вмешалась сама судьба, но, скорее всего, произошло чистое совпадение. Просто после знакомства с невестой Аластар напился. Он ведь не железный и не деревянный, каким бы ни казался со стороны. И тут появилась Джона...

Даже сейчас ей было стыдно за свою выходку.

– Нет, нет... я не могу... Если бы он был трезв, то выгнал бы. Точно выгнал...

«К счастью, я был уже достаточно пьян, чтобы видеть не только обнаженное тело, но и нагую душу», – сказал потом Аластар.

– ...А потом я сбросила рубашку и поцеловала его. Первая.

Мир не видел более смешного и нелепого поцелуя.

– Да ты что?! Ну ты даешь!.. – молвила Грэйн, не скрывая уважения. – А он?

Ее зеленоватые глаза стали круглыми от восхищения. Будто Джона не поцеловала одного диллайнского князя, а порубила саблей сотню врагов. Подвиг на бранном... то есть брачном... а точнее, любовном поле боя.

– А он... – Леди Янамари тщетно попыталась изобразить надменность. – А он не устоял. Потому что уже лежал. И я... я им овладела! Вот!

Чтобы женщина женщине и не приврала про свою неотра-
зимость? Да никогда! Зачем тогда вообще рассказывать та-
кие вещи, если чуть-чуть не приукрасить реальность, пре-
вратив ее немножечко в сказку или роман о любви? А заодно
и самой поверить в то, что могущественный князь сначала
не испугался напора влюбленной юницы, точно кролик со-
кола-сапсана. В окошко не выпрыгнул, но в янтарных глазах
Аластара в какой-то момент читалось отчетливое: «Остано-
вись, безумец! Что ты делаешь?» И когда бы на графе Эске
имелось хоть что-то, кроме порванной на груди ночной со-
рочки, ну, хотя бы бриджи, то все могло бы обернуться по-
другому.

Если принять рассказ графини за инструктаж, то... Грэйи
прикинула так и этак, разглядывая чародея еще вниматель-
нее. Ну что ж, вполне осуществимо. Жилист, конечно, если
не сказать – излишне худ, так ведь им его не варить... Уло-
жить... ага... Если действовать вдвоем и согласованно, то,
может, и получится. «Главное – правильно подсесть, – вооду-
шевилась ролфи. – Это я смогу. А дальше пусть шуриа ко-
мандует!»

– Ага... так, значит, сначала надо уложить...

Но Джойн идею почему-то не поддержала. Она дернула
ролфийку за руку и прошипела:

– Он обидится. И нас прогонит. Мы... потом... Нельзя
же прямо сразу. Мы должны показать, что приличные дамы.
Мы ведь – приличные и воспитанные дамы?

«Обидится? На что обидится? – Грэйн даже растерялась немного. – Мы же ничего плохого не собираемся с ним делать! Ну, ладно... Ей виднее». Хотя, с точки зрения ролфи, отсрочка была бессмысленной. Сидит же, не убегает пока... надо брать! Но сперва – усыпить бдительность... жертвы, тут Джойн права.

– Да-а! Мы воспитанные! Мы эти... как их... дамы мы!

Но все-таки не удержалась, облизнулась. Про свои давешние страхи одурманенная сладким вином ролфи уже и не вспоминала. Став вдруг добычей, колдун перестал казаться ей страшным. И никаких препятствий к тому, чтобы применить рассказ Джойн на практике, Грэйн более не видела. Ну, может, чуть позже... хотя зачем тянуть? Лучше прямо сейчас, пока азарт не прошел.

Не нравились Джоне эти озорные огоньки в глазах ролфийки. Алфер, конечно, мужчина оч-ч-чень привлекательный. Обворожительный даже. Но нельзя с эсмондом так откровенно. Все-таки он волшебник, а значит, так просто не сдастся под напором ролфийского... и, чего скрывать, шурианского темперамента.

«Я не удержу ее, – подумала леди Янамари. – Она же сильная. Офицер. Нет, нет, надо что-то придумать. Срочно! Пока красавчик Алфер наливает нам новую чарку... А как он соблазнительно улыбается...»

И шуриа придумала. Она закатила глазки, качнулась и, не скрывая заинтересованности, спросила у соратницы:

– А Расскажи мне про Священного Князя? Ты говорила, у него косы? Да? А что у него еще есть?

И хихикнула, вообразив себе, что такого выдающегося имеется у легендарного Вилдайра Эмриса, если он запросто управляется с двумя женами.

Хитрюга-шуриа знала, о ком спрашивать! Естественно, светлый образ Священного Князя тотчас застил собою все: и золотые колдовские очи диллайн, и прочие его... вероятные достоинства. Каким бы ни был совиный колдун, до Священного Князя ему все равно как отсюда до престола Оддэйна!

Грэйи мечтательно прикрыла глаза и вздохнула:

– Косы-ы... Косы – да-а, косы у него длинные... – а если принять на веру все то, о чем шептались девушки в казарме после отбоя, то... – И длинные у него не только косы, должно быть, – уточнила эрна Кэдвен, начиная как следует расписывать Вилдайра Эмриса. Ну, может быть, все эти байки и приукрашены чуть-чуть, но... В конце концов, она же сама его видела и очень даже близко! Почти... почти всего! Так что есть о чем рассказать с восхищением и гордостью: – Про плечи я тебе уже говорила, повторяться не буду... Глаза... глаза у него зеленые-презеленые, а нос прямой и... – Грэйи нетерпеливо потрясла рукой, пытаясь подобрать достойный эпитет для княжеского носа. – Красивый, короче, нос. Пальцы длинные, изящные, но сильные. И весь он такой... сильный. Ноги... э-э... крепкие. А как он улыбается, Джойн! Как он... Боги! Если б ты только видела это... и если б слышала его го-

лос! Словно зов боевой трубы! И повиноваться ему – о! Есть ли под лунами что-то достойней и слаще?! О-о, Джойн! Он такой! – Тут ролфи поняла, что описание достоинств Князя выходит несколько однобоким, и добавила: – Касательно же прочих его качеств... увы, об этом могли бы рассказать только его княгини, но – никто не слыхал, чтоб они жаловались. – И подмигнула, мол, понимаешь, о чем я? А затем продолжила: – И он очень внимателен к женщинам. Представляешь, он похвалил мои бедра. Сказал, что они шелковые! Вот! – Грэйн поставила ногу на скамью и отвернула край покрывала, демонстрируя, что именно понравилось Вилдайру. И, кстати сказать, не ему одному. Ей вспомнились цепкие взгляды мага-полукровки в синхелмском подвале, и ролфи добавила: – И этот... желтоглазый... тоже косился там, в подвале... – Но синтафскому смеску, конечно же, от рождения не дано было правильно оценить достоинства ролфийских женщин, куда ж ему, в самом деле? А вот Князь... его мнение бесценно, ибо ему есть с чем сравнивать. – И грудь мою похвалил, кстати, – Грэйн выставила вперед бюст в качестве доказательства своих слов. – Наш Князь, он, знаешь, не молчит, если ему что-то нравится... в женщине... да!

Шуриа, верно, впечатлилась. Она одобрительно закивала, соглашаясь:

– О да! У твоего Священного Князя есть вкус. Он разбирается в женщинах и в их несомнен-н-ных достоинствах. – В голосе ее тоже зазвучали мечтательные нотки: – Косы –

это тоже очень красиво. Жаль, у Аластара короткие волосы, ему бы пошли косы. А какие у него золотые глаза... – Джойн призадумалась, примолкла, а потом добавила очень серьезно: – Я вас познакомлю. Он тебе понравится.

– Золотые глаза, говоришь? Краси-иво... – Грэйи во-очию представила себе неведомого возлюбленного графини и вздохнула. Видно, и впрямь он хорош, раз Джойн вспоминает его с таким чувством! Повезло ей. А вот самой Грэйи... да ей и вспомнить-то некого! Разве что...

Ролфи передернуло. Нет уж, теми воспоминаниями она делиться не будет. Столько вина нет на свете, чтоб развязать ей язык и заставить рассказать о своем позоре! Во всяком случае, пока она не отомстит как должно... Грэйи мрачно поправила простыню и вцепилась в стакан. Нет в мире справедливости! Почему достойные и прекрасные достаются всегда кому-то другому? Впрочем, каждый получает именно то, что заслуживает... и нечего сетовать на богов и судьбу. Но и безропотно принимать обиду тоже невысказано!

– А шурий я не люблю. С-скользкие... гады... – все-таки обронила ролфи. Все равно Джойн не поймет, к чему эрна Кэдвен это сказала.

Та и не поняла, приняв эту фразу на свой счет, и немедля возмутилась:

– Грэйи, ну разве я скользкая? Ну посмотри, не скользкая же. И хвоста нет. Ты видела же, ты же видела?!

И обиженно пробормотала себе под нос:

– Ну почему всегда хвост? При чем здесь хвост?

«Ох, Джойн, веришь – твой хвост тут точно ни при чем! – покаянно подумала Грэйн. – И верно... ты же не виновата...» От раскаяния в собственной несправедливости на глаза ролфи навернулись пьяные слезы, и она призналась с воодушевлением:

– Ты – совсем другое дело! Если Священный Князь сказал, что тебя надо... это... возлюбить...

Конечно же, так прямо Священный Князь этого не говорил, но наверняка ведь подразумевал! А даже если и нет... большой беды не будет в том, что Грэйн добавит немного собственных размышлений на этот счет, правда же?

– Ух ты! Надо же! Возлюбить? Здорово! – Джона по-детски захлопала в ладошки. – Хочу! Хочу к Священному Князю. Да! К Вилдайру Эмрису с белыми косами, широкими плечами, красивыми руками и зелеными глазами.

Облизнулась не менее сладострастно, чем ролфи, и совсем по-шуриански мстительно добавила:

– И пусть Аластар поревнует! Пусть пострадает!

«Вот... правильно я сказала, – подумала Грэйн. – Надо было сразу так, а я не догадалась... Он же сказал – шуриа нам нужны! Раз нужны, значит... нужны».

И все-таки этот вопрос Грэйн очень занимал. Приказ приказом, но... Шуриа нужны! Для чего?

Она выпила еще и пробормотала уже невнятно:

– Он сказал, шурии нам нужны. Зачем нужны? Для чего...

нужны? Для чего ты ему, а? – И тут эрну Кэдвен осенило. Ну, конечно же! Ведь Джойн – женщина! – Наверняка... будет тебя... возлюбивать! – убежденно подытожила она. Ну, а что? Самое логичное объяснение!

– Это хорошо, – проворковала расслабленно графиня. – А то никто меня не любит. Бранд, наверное, любил, но он умер. – От жалости к... пожалуй, всему свету на глаза навернулись слезы. – Аластар говорит, что любит, но я ему не верю. Он... он же князь. Он не должен связываться с шуриа, – всхлипнула Джона. – Думаешь, Вилдайр меня полюбит? Как Эйккен свою Джозейн?

Грэйн немедля растрогалась тоже. Ах, как шуриа спросила! С надеждой... ну разве можно не отозваться на такую искренность? Вот и Вилдайр Эмрис, конечно же, тоже будет тронут. И ролфи поспешила утешить расстроенную спутницу:

– Конечно, полюбит!

Разве самый сильный, самый добрый и лучший на свете Князь может не полюбить такую замечательную, такую славную Джойн? И не такая уж она и страшненькая... грудь, к примеру, даже на ролфийский вкус весьма хороша. Тем более что Вилдайр же знал, за кем посылал...

– Он... он такой, он добрый... У него даже твой портретик есть, представляешь? – Ну конечно же! Раз даже портрет Джойнин у него есть, наверняка ведь это неспроста! – Как Эйккен Джозейн... а деток у него нет, я говорила?

И тут леди Янамари вспомнила своих деток. Раммана и Идгарда. Своих маленьких мальчиков, брошенных непутевой матерью-шуриа, неузнанных жестокосердным отцом. Что с ними теперь будет?

И в голос заревела от жалости к Священному Князю и его княгиням, к себе, к деткам, к Аластару и его дочерям, которых он даже не замечает. А Грэйн заревела за компанию – горько так, безнадежно, о каком-то своем неведомом ролфийском горе. Волшебное вино открыло все шлюзы на пути соленых потоков, чтобы те хлынули по щекам. Колдовское вино, эсмондское.

«Надо спросить у Алфера...»

Джойана огляделась и увидела, что диллайн нет в пещере, а они с Грэйном остались одни. Шуриа стало так обидно, что она не смогла сдержать горестного вопля:

– И этот от нас ушел!

Ролфи подхватила:

– Вспугнули! Улетел!

Теперь они рыдали хором, прижавшись и поглаживая друг друга по волосам, самозабвенно, до изнеможения, вычерпывая до дна озера невыплаканных женских слез.

А потом, обессилев, сползли на звериную шкуру, по-сестрински обнялись и заснули.

Должно быть, беглянки видели десятый сон, когда вернулся Алфер. Он полюбовался на трогательно сопящих женщин и заботливо укрыл их домотканым теплым пледом. Но-

чи еще не такие уж и теплые. Особенно здесь, на севере, в Локэрни. Под утро совсем посвежеет, а ролфийка больна.

Алфер, мурлыкая под нос песенку, добавил в огонь сухих поленьев и кинул туда же травы. Ночь длинная, вино сладкое, жизнь долгая... Пусть спят.

Почуяв чужое присутствие рядом, Грэйн лениво приоткрыла глаза и встрепенулась. Чародей стоял над их с шуриа ложем и что-то тихонько напевал, притом... э-э... возложив на них обеих руки: правую на Джойн, левую – на Грэйн. И ведь не куда-нибудь возложил, а на грудь! Сонную ролфи этот факт, впрочем, не смутил, а разве что слегка озадачил. Она зевнула и буркнула невнятно, но понимающе:

– Выбрать сложно, да? Ну, как определишься, растолкай...

Диллайн в темноте красиво сверкал золотыми глазами. Ролфи повозилась, поуютней устраиваясь рядом с мирно посапывающей шуриа, и вздохнула:

– Нет, ты извини, конечно... хоть ты и могучий, и мудрый... но все-таки ты не можешь быть равным Ей... не бог, нет...

– Спи, ролфи, – усмехнулся колдун. – Конечно, нет. Не бог я, не бог, не сомневайся. Твои боги всегда с тобой, ролфи, ты верна им, а они верны тебе. И другие боги тебе ни к чему, а мудрость моя и подавно, верно же? Ты сама знаешь, что должна делать. Честь твоя родилась из огня Локки, дай же ей теперь вырасти и окрепнуть. И богиня останется с тобой,

волчица. Спи.

– О... – пробормотала она, уже уплывая по теплым волнам сна. – Ты знаешь тоже, да? Все дело в верности... мы верны, и потому они есть для нас...

– Конечно, знаю, – повторил чародей. – Но одна только верность стоит немного, нужно еще кое-что, делающее ее бесценной. Не тревожься, ролфи, у тебя это есть... или будет, и сейчас тебе не нужно понимать, о чем я. Локка с тобой. Спи.

Грэйн послушалась и заснула, чувствуя, как широкие крылья Локки укрывают ее ото всех бед... хотя бы на одну эту ночь.

...Хотелось вползти ему на руки, обвиться вокруг ног и положить голову на колени. Чтобы Алфер погладил, чтобы ощутить на плечах и лопатках приятную тяжесть его сильной руки.

– Не нужно прятаться в тених своего воображения, дочь Лаунэйд³, – молвил волшебник и мягко улыбнулся: – Тебе столько раз говорили про змеиный хвост, что ты почувствовала шевеление в копчике?

– Но...

– Иди сюда.

Так всегда говорил Аластар сразу после очередной ссоры. И протягивал руки.

³ Лаунэйд – так на языке диллайн называется Сизая луна Шиларджи (она же Глэнна).

– Долгие годы жизни не означают ни равнодушия, ни охлаждения крови. Напротив, учишься ценить то прекрасное, что даруется на краткий миг: хрупкий цветок, живое тепло зверя, искреннюю любовь ребенка, женскую нежность. Младший Эск всего лишь научился пренебрегать незначительным во имя чего-то большего.

Джона присела напротив на корточки, вложив свои пальцы в ладони диллайн.

– Я знаю – против тебя, Алфер, он – мальчик. Ты, наверное, старше самого Хереварда.

Колдун наморщил нос.

– Что? Он тоже... мальчишка?

– Он – злой и жестокий отрок. И останется таковым, даже если проживет еще три тысячи лет. Некоторые люди не способны стать взрослыми до самой смерти. Херевард из таких. Ему так нравится мучить беззащитных, так нравится Власть, что это не кончится добром. Уже не кончилось, собственно.

Джоне отчаянно хотелось спросить Алфера о его собственных годах, но волшебник опередил:

– Это неважно. Поверь, лаунэйда⁴. Все зависит только от силы чувств и глубины мысли. А годы... это всего лишь опыт. Я просто видел больше, чем ты. Мне есть с чем сравнивать – и все. А в принципе ничего не меняется. Люди те же, мотивы их поступков те же. Что прошлое, что будущее – не случится ничего такого, чего бы уже не случилось раньше.

⁴ Лаунэйда – ребенок Лаунэйд, т. е. шурия на дилланском.

– Скажи мне тогда – что ждет меня на Ролэнси? Должна ли я следовать за эрной?

Диллайн закрыл золотые очи и вздохнул:

– Острова... Ты и сама будто островок, лаунэйда. Они дождутся тебя. Кто умеет терпеть и ждать, тот всегда получает желаемое. Вся наша жизнь, по сути, ожидание.

Голос у него упал до едва уловимого шепота.

– Я глупа, Алфер. Я не понимаю...

– Ну, тогда подумай, куда тебе деваться еще, если не на Ролэнси? Если знаешь, то, конечно, не стоит рисковать понапрасну.

Его правда – бежать леди Янамари некуда. Даже в Амалер, под крылышко к Аластару, не выход, если она не хочет и его заманить в ловушку. В крайнем случае, Эск позаботится о детях, тайно или явно. Но связывать ему руки нельзя.

– Не мучай себя. В твоей судьбе и так все предопределено, лаунэйда. Разве нет?

– Не знаю, что и сказать.

– Скажи «да», когда тебя спросят по-настоящему.

– Как это «по-настоящему»?

– Ты поймешь, – твердо сказал волшебник-диллайн и добавил голосом Аластара: – Иди ко мне.

С дразнящей душу хрипотцой, в которой таится и страсть, и печаль. Джона забралась к диллайн на колени, свернулась клубочком и растворилась в его Тишине и Покое...

Чтобы очнуться после Порога, прижавшейся к спине рол-

фийки, которая уже не хрипит и не кашляет.

– Не тревожься, лаунэйда, – сказал сидящий возле очага недремлющий Алфер-страж. – Она здорова, а вам нужно набраться сил. Надо поспать еще.

И беглянки проспали почти до следующего вечера – в тепле, под защитой волшебства, в полной безопасности. Так спят маленькие дети в колыбельках, так спят звери в логовах и птицы в гнездах.

– Пора, – молвил хозяин, растолкав гостей, и, пока те не успели сообразить, что к чему, сунул каждой по ложке и миске с ароматной жирной похлебкой. – Скоро закат. К ночи туман рассеется, и огонь костра будет виден издалека. Нужно успеть до отлива.

Грэйн понимающе кивнула в промежутке между ложками сытного варева и легонько подтолкнула Джону под локоть. Мол, слышала, человек дело говорит.

Путь из пещеры к морю занял, наверное, чуть меньше получаса, но ни графиня, ни эрна так и не поняли, как очутились на берегу. Вроде бы шли через какие-то заросли, а потом – раз! И вот они – обрыв, камни, едва приметная тропинка вниз к прибою.

«Да тут шею сломать – секундное дело!» – мысленно охнула Джона, вообразив себе быстрый спуск к воде. Придется кубарем катиться.

– Смотрите себе под ноги и держитесь друг за друга, – посоветовал диллайн.

И сразу так захотелось вернуться в уютную пещеру, к его очагу, к травам и шкурам. Чтобы больше никогда не уходить.
– Еще встретимся, – посулил Алфер на прощание.

Почему-то Джона была уверена, что так оно и будет. Где и когда – неведомо, но еще доведется взглянуть в эти прекрасные яркие глаза и ощутить касание руки. При условии, что шуриа вообще не загадывают далее будущего рассвета.

То, что за все на свете рано или поздно придется платить, – истина расхожая. И среди ролфи обольщаться на этот счет было не принято. Понятно же, что боги никогда и ничего не дают просто так, даром... И за волшебные сутки неожиданной передышки в уютном гнезде колдуна-диллайн с беглянок будет спрошено сполна. Но как хотелось бы Грэйн верить самой в то, о чем она так уверенно говорила Джойн! Дескать, осталось совсем чуть-чуть, последний рывок – и вот они уже на борту корабля, в безопасности, и спасительные берега Ролэнси уже практически видны за туманом...

Если бы!

Мало скрытно пробраться на прибрежную скалу и сложить там костер, мало затаиться среди камней, ожидая ответа на этот сигнал... «Ускользающий» ведь может еще и не прийти! Хотя Грэйн и сама не знала, чего она боится больше: так и не увидеть в колдовском тумане долгожданный силуэт корвета или... Или – увидеть. Этот Нимрэйд, помнится, был так уверен, что ролфийка не вернется. Может, неспро-

ста? Может, у него имеются и свои планы, о которых лорду Конри неизвестно?

А даже если и нет, утешение слабое. Грэйнд совершенно не хотелось еще раз... выплачивать каперу «премию», буде он вновь ее потребует. А если не от нее? Если проклятый змей покусится на Джойн? Хороша тогда будет из эрны Кэдвен «проводница и защитница»!

Конечно, все это будет беспокоить Грэйнд лишь в том случае, если «Ускользящий» все-таки придет, сейчас же надобно думать совсем о других вещах, но... Боги, получается, она графиню обманывает? Та-то небось надеется, что на борту корвета все их тревоги закончатся, а ролфи тем временем изводит себя подозрениями, что все только начнется!

Может быть, он все-таки не придет? Может, лучше попробовать добраться до Ролэнси самим?.. Нанять какого-нибудь рыбака на лихтере – или припугнуть, а то и вовсе захватить... и отдать себя на волю Морайг, и пусть боги решают, суждено ли беглянкам достигнуть Архипелага. Вдруг да получится, а?

Джона прислонилась щекой к камню и неотрывно глядела на море. Темное, холодное, коварное, оно просунуло свою лапу-залив между обрывистых берегов, чтобы подманывать беспечных странников, а потом хватать их челны ледяными когтями волн и утягивать на глубину. На своем языке шуриа зовут его – Беригель – Опасное море. Где-то там, за краем его, Джону ждет Священный Князь, чтобы... как выразилась

эрна Кэдвен, возлюбить. Леди Янамари нервно хихикнула.

«Да, да. И вождь ролфи возлюбит шуриа, как родную. Эйккен уже одну возлюбил. А потом она тоже его возлюбила... пламенной страстью».

Джона покосилась на сидящую рядом Грэйн. Сосредоточенна, напряжена, словно тетива арбалета. Нет, лучше с эрной Кэдвен не шутить относительно повторения истории.

«Как она про его косы рассказывала. И прочие достоинства».

Вчерашняя попойка осталась без последствий только благодаря волшебству Алфера. Джона вспомнила, как они с ролфийкой едва не обесчестили колдуна-отшельника, и снова удержалась от смеха. Воистину, две пьяные дамы – стихийное бедствие для одинокого мужчины. То флиртуют, то хохочут, то рыдают, и вместо решительной атаки на целомудрие ему перепадает сомнительное удовольствие укрывать пледом сладко сопящие тела несостоявшихся искусительниц. Впрочем, Алфер и не собирался воспользоваться своим положением. Вот бы еще знать, зачем он решил помочь двум беглянкам. Ведь маги, тем паче диллайнские маги, никогда и ничего не делают просто так.

А спросишь – не ответит. Улыбнется и промолчит, как это заведено у волшебников. Они как свет маяка для корабля. Имеющий глаза да увидит.

Свет!

– Грэйн! – шуриа теребила задумавшуюся ролфи за рукав

и звала, уже, верно, не в первый раз: – Грэйн, очнись! Вон там, в тумане... видишь? Это же сигнал? Это же за нами?

Эрна Кэдвен вздрогнула и прищурилась, пытаясь разглядеть за пеленой тумана хищный силуэт «Ускользающего». И верно... вот мигнул огонек! Раз и другой... И третий. А на сером полотне ненастья, словно бы тончайшей кистью по драгоценному фарфору, вырисовывался абрис корвета.

Он пришел. Значит, так хотят боги. Они явили свою волю, провели корабль сквозь колдовскую пелену, укрывшую берега Синтафа, и теперь остается только подчиниться.

– Да. Это за нами, – твердо молвила Грэйн. – Нечего ждать, пойдем.

Они заторопились вниз, той же тропинкой, по которой недавно карабкались на обрыв, и спуститься, конечно же, оказалось гораздо сложнее, чем подняться. Из-под неловких ног осыпались мелкие камушки, сперва одна чуть не оступилась, потом другая, и за собственным тяжелым дыханием женщины уже не слышали ничего вокруг. Быстрее, быстрее... совсем чуть-чуть осталось! Вот он, корабль, уже отчетливо виден! Вот же, там, на корвете, должно быть, заметили их и уже спускают шлюпку! Еще десяток-другой шагов по тропе – а там и узкая полоса пляжа, и отлив скоро начнется... Успели бы эти, в шлюпке, добраться до берега!

В тумане, обманывающем любые глаза, не только ролфийские, корвет казался невозможно далеким, он словно бы парил где-то на краю света, и достигнуть его... А! Мгновенный

блеск мокрых лопастей весел – уже так близко! Это же волшебство, это оно...

– Джойн! – задыхаясь, выдавила Грэйи, обхватив спутницу за пояс, чтоб та не свалилась на последних шагах их пути. – Должна остеречь тебя!.. Капитан корвета... Нимрэйд его имя... он твой сородич, и... Ах, когти Локки!

Прилетевшая с обрыва пуля высекла белый след на камне совсем рядом с Грэйиной щекой. Горячие осколки обожгли лицо ролфи мгновенной болью, а секундой позже донесся и звук выстрела, и крик...

– Бежим! – крикнула Грэйи, дернув шуриа за руку. – Быстрее! Они не попадут в нас, промахнутся... Бежим же!

Вниз, вниз, вниз по скользким камушкам, по влажной земле, цепляясь за какие-то липкие корни, падая грудью на валуны и тут же приседая на корточки, чтобы не угодить под пулю и чуть-чуть отдышаться. Наверное, они были очень хорошо видны с обрыва, потому что пули свистели прямо над головой.

Ветер уносил прочь голоса солдат, но Джоне и не требовалось слышать их дословно. Короткие команды офицера, ругань и запаленное дыхание.

– Скорее, Джойн! Не отставай! Ну же!

Ролфийка крепко впиалась пальцами в предплечье графини, опасаясь в последний момент выпустить ее и потерять в темноте.

– Я ничего не вижу!

– Не смотри! Беги!

– Нас подстрелят!

– Мы нужны живыми! – с непоколебимой уверенностью прокричала Грэйн.

Но как только беглянки вбежали в море, а преследователи заметили лодку, ценность жизней двух женщин резко уменьшилась.

Джона споткнулась и упала лицом в горькую воду, но ролфийка все равно не выпустила ее руки. Потащила за собой шуриа, захлебывающуюся и визжащую от ужаса. Начинался отлив, и отступающее море, казалось, утягивало облепленную одеждой женщину в свои жуткие глубины.

– Я не могу... не могу... ах...

– Можешь! – скомандовала Грэйн. – Они уже рядом.

И вдруг чьи-то сильные руки схватили шуриа и одним рывком извлекли из воды.

– Вторую не забудь!

– Уже.

– Тогда гребь обратно.

Волосы залепили Джоне лицо, и она могла только слышать грубые мужские голоса и чувствовать запах давно не мытых тел.

– Грэйн! Грэйн!

– Не кричи, – каркнула ей на ухо ролфи. – Я тут.

Особенной радости от столь своевременного спасения в тоне Грэйн не было даже приблизительно. Наоборот, эрну

немного потряхивало в нервном ознобе.

– Мы спасены? – неуверенно спросила шуриа. Чувствуя под пальцами дрожь соратницы, она уже не была уверена, что все закончилось, и закончилось хорошо.

– Спасены... наверное... скорее всего...

Гребцы без устали налегали на весла, им тоже не улыбалось попасть под синтафскую пулю. Борт корвета приближался очень быстро.

«Ускользящий», – прочитала Джона название корабля.

На этот раз карабкаться по забортному трапу не пришлось – Нимрэйд расщедрился на помощь. Просунуть руки в петлю и вытерпеть грубый, но эффективный подъем на борт оказалось стократ быстрее, чем карабкаться самим по мокрым дощечкам, спотыкаясь и оскальзываясь. Грэйн споро перебирала ногами, ухватившись за веревку, чтоб жесткая петля совсем уж не сдавливала подмышки, и все равно ролфи показалось, что руки у нее сейчас оторвутся. На корвете с ценным грузом особенно не церемонились, тащили, как куль с отрубями. Перевалившись через борт, девушка выпуталась из веревки и перегнулась обратно, подбадривая шуриа:

– Держись за конец, Джойн, и шевели ногами!

Графиня снизу что-то неразборчиво пискнула.

К счастью, капитан Нимрэйд хорошо выдрессировал своих головорезов: над двумя неуклюжими мокрыми девицами никто не смеялся. Да команде было и не до смешков. Пули

с берега досюда уже не долетали, но...

– Значит, вам удалось, – вместо приветствия обронил капер, привычно подкравшись сзади, пока ролфи высматривала за бортом спутницу. – И вы привели на хвосте погоню.

Отпихнув какого-то матроса, Грэйн собственноручно помогла Джойн перелезть и высвободила ее из петли. И, убедившись, что графиня стоит на ногах и дышит, ответила, не оборачиваясь:

– Вы напрасно сомневались. А от погони мы ушли.

– Еще нет, – хмыкнул Нимрэйд. – А, вот же они! Полюбуйтесь, эрна.

Грэйн глянула, куда он показал, и выругалась. Из-за ближнего мыска показались – как собаки из будки! – два не слишком больших, но довольно хищно смотревшихся корабля. Орудийные порты на первом были открыты.

– Синтафская береговая охрана, – пояснил капер. – Им наверняка просигналили с берега, и вот они тут как тут.

– А это уже ваша забота, – огрызнулась ролфи, заслоняя от него Джойн.

– Воистину, эрна, моя. И я позабочусь, будьте покойны. Я непременно навещу вас позже, сударыни. – Нимрэйд коротко хохотнул и приказал: – Вниз их!

– Пойдем, – Грэйн подхватила графиню под руку и потянула за собой. – Будет бой, и нам нечего здесь делать.

Спускаясь в грязное и вонючее чрево «Ускользящего», она успела подумать о глупых мышках, которые сами лезут

в пасть змея, но тут корвет вздрогнул, прогремев носовыми орудиями, и всякие мысли покинули голову ролфи. Кроме, пожалуй, одной. Хотелось бы... все-таки хотелось бы надеяться еще разок увидеть солнце. Или хотя бы просто небо вместо темных досок над головой. Но теперь от желания эрны Кэдвен уже ничего не зависело.

– Все будет хорошо, – она стиснула в темноте руку спутницы. – Этот... он свое дело знает. Все будет хорошо.

Удаз Анэйн

Милостью Предвечного и Силой его тив Херевард был излечен от тяжелейшего приступа грудной жабы в кратчайшие сроки, но к тому моменту, как он прибыл в Синхелм, тив Удаз успел сделать многое: проворонить леди Янамари и деву-ролфийку, настроить против себя всех тивов Локэрни и потерять остатки доверия Эсмонд-Круга. Это если не считать пепелище на месте Синхелмского храма. Третью городских домовладений тоже пострадали изрядно, но не так сильно, как репутация эсмондов. Где это видано, чтобы два тива, один из которых наделен немалыми полномочиями Эсмонд-Круга, а следовательно, и Силой, не могли управиться с двумя слабыми женщинами?

Что было ответить Удазу на этот вопрос? Ничего. Вот тиву Рэйлему, тому повезло – заколотый штыком, зарезанный и обгоревший, он пред тивом Херевардом уже не ответчик. А Удазу... Уже, к слову, не тиву, пришлось объясняться. Вернее, он-то рассказывал, но его, по диллайнской привычке, никто не слушал. Проигравший всегда виновен. Золотой лед в глазах тива Хереварда не растаял, и Удаз начал готовиться к тихой, бесшумной казни. Дверь откроется, войдет незнакомец в длинном черном кафтане, и все кончится быстро и без борьбы. С одной стороны, от *исполнителя* Эсмонд-Круга еще никто не уходил, а с другой... Зачем, скажите, зачем

жить дальше, когда тебя лишили сана, Силы и смысла жизни? Лучше смерть.

И когда ожидание стало уже нестерпимо, дверь узилища все-таки распахнулась. На пороге стоял эсмонд. Сизокудрый красавец в элегантнейшем фраке, в начищенных до блеска сапогах. Униженные перстнями пальцы крепко сжимали набалдашник трости. Хотя сейчас на картинку модного столичного журнала. А как двигается! Плавно, гибко, точно горный барс, а не человек.

– Ну надо же, сам Форхерд Сид пожаловать изволил, – безрадостно хмыкнул Удаз, проследив взглядом, как отец грациозно прошелся по комнате. – А ты что здесь забыл?

– Не вижу сыновней почтительности, – холодно молвил родитель, устраивая зад на жестком стуле, и протянул руку для поцелуя. – Ну!

Неведомая сила буквально сорвала полукровку с места. Удаз пал на колени и приложился к перстню с камеей. Сила привычки, материнскими побоями вколоченной, помноженная на страх и вечную жажду похвалы, – вот что это такое.

– Так-то лучше, – буркнул Форхерд.

– Пришел попрощаться?

– Почти, – жестокосердный диллайн взял долгую мучительную паузу, в течение которой Удаз успел заподозрить Эсмонд-Круг в том, что его отца послали исполнить приговор собственноручно. У них есть и такой вид наказания. – Ты настолько слаб, что даже мысли твои читаются по лицу, слов-

но в открытой книге. Нет, я не стану твоим палачом. Все наоборот.

– То есть?

– Ты – свободен... Свободен бежать из Синтафа.

– Но... куда?

– Не на Ролэнси, там тебе точно не будут рады, – ухмыльнулся тив Форхерд. – Но выбор есть – в Базиле у меня хорошие связи, в Идбере тоже, но место это невероятно скучное, Фиртсвит... Женщины там прекрасны в своей наивности, про остальные достоинства я ничего сказать не могу.

Видимо, в Эсмонд-Круге решили, что столь сильному тиву, как папаша Удаза, можно простить чрезмерное для диллайн сластолюбие. Он ни одной юбки не мог пропустить за все свои двести пятьдесят лет жизни. Стоило показаться на горизонте хорошенькой девичьей мордашке, и тив Форхерд забывал, казалось, обо всем на свете.

– Хродвин не советую, – продолжал он перечислять возможные варианты. – Ни женщин, ни выпивки, ни денег потратить. Тошно. Я бы предложил Эббо, в качестве компромисса, но решать тебе.

Удаз смотрел на отца с некоторым удивлением. Зачем все эти разговоры про увеселения? К чему они?

Тив Форхерд ответил заговорщической улыбочкой. И даже подмигнул.

– Это было единственным условием, мой мальчик. Иначе тебя не пощадили бы. Поверь, мне пришлось пойти на самые

крайние меры, и только ленивый из Эсмонд-Круга не вытер об меня ноги. Но ты ведь мой сын, и я обязан помочь, коли ты попал в беду. И... я пообещал твоей матери.

Значит, они продолжали встречаться, догадался Удаз. Мать понять можно – она слаба, как говорится, на передок, а папаша красив, словно принц. Но зачем Форхерду раздобревшая от безделья, недалекая и склочная тетка?

– Ничего ты не понимаешь в женщинах, – хохотнул эсмонд. – Не беда, скоро поймешь.

Удаза насторожили эти слова. Можно сказать, испугали.

– Я не понимаю...

– Ты всегда был тугодумом, сынок. И ты же не думаешь, что тив Херевард так запросто помилует волшебника?

– Так я больше не...

Полукровка подумал, что сейчас его сердце остановится от внезапной острой боли.

– Да, – кивнул отец. – Ты больше не маг. Но ты жив и почти свободен. Разве этого мало?

Мало? Мало? Мало! Кабы Удаз Апэйн не задыхался и не ловил ртом воздух, он бы орал во всю глотку, точно подвешенный за ребро на крюк разбойник в разгар публичной казни. Довелось ему в детстве видеть экзекуцию – до сих пор снились синие и блестящие кишки казнимого, выпущенные рукой палача. Полвека назад были еще умельцы вскрыть чрево так, чтобы преступник до последнего мига видел собственный ливер.

Эсмонды — люди гуманные, они не любят лишней жестокости, не любят потоков крови и дерьма. Но, видит Предвечный, лучше бы они заживо расчленили Удаза Апэйна, чем... Отобранный волшебный дар хуже отрубленных рук. Ей-ей, хуже!

Сквозь выюжный гул в голове доносился спокойный голос отца:

— Вот деньги и доверенность для банка... десять тысяч золотых оул и столько же в ассигнациях... только не промотай за месяц... коляска ждет... и до пограничного поста даже носа наружу не высовывай...

Тив Форхерд при всем желании не мог выказать сыну сочувствие. В конце концов, мальчишке и так досталось сверх меры от причитающегося. Он, полукровка, наравне с эсмондами вкушал божественной благодати, нарушая тем самым законы мироздания. Теперь же все стало на свои места. И это хо-ро-шо! А чисто по-человечески и по-родительски, конечно, жалко парня.

Глядя, как Удаз, шатаясь и почти ничего не видя перед собой, бредет к экипажу, тив Форхерд чувствовал облегчение. Проблема разрешена раз и навсегда, долгие годы его опалы кончились, сын жив, имущество цело. Чего еще желать?

Ну и как мог бывший тив спокойно проехать мимо храма? В первом же попавшемся на пути эскизарском городишке глаз первым делом отыскал знакомые очертания стен и купо-

лов. Серый камень, увитый плющом, гостеприимно раскрытые двери в пахнувший благовониями полумрак – все такое знакомое, такое близкое... И потерянное навек.

Удаз попросил кучера остановиться. Точнее, приказал.
– Жди меня здесь, я скоро.

Кто знает, что подумал местный тив, увидев на пороге измученного, бледного и шатающегося мужчину, закутанного в плащ, но на всякий случай принял, не пьян ли? Вроде нет. Вот и славно.

Удаз побрел на мягкое сияние алтаря, но вовремя вспомнил, что обычному прихожанину нельзя заступать в Круг.

Слова канонического обращения текли с искусанных губ, причем так легко и естественно, как никогда прежде. От чистого сердца и самых потаенных глубин души, как если бы грудь бывшего тива разверзлась, чтобы Предвечный мог видеть, как пульсирует его кровь в ритме сакральных слов молитвы.

«Он услышит! Он обязательно услышит! И... отзовется...» – билась под черепом отчаянная мысль.

Слезы экстаза текли по щекам полукровки, золотые огоньки множества светильничков дрожали и привычно сливались в сияющий столб света.

– Да! Вот оно! Слава тебе!

Глаза не нужны, совсем-совсем не нужны, душа видит это чудо без посредства тела. Но вместо того, чтобы впустить внутрь сияния дух верного, пусть и отставного ныне тива, из

сверкающего кокона навстречу вышла... женщина. В мокрой рубашке-безрукавке, обтянувшей красивые упругие груди... тонкий стан и широкие, исполненные плотского жара бедра... Она откинула назад недлинные волосы и посмотрела на Удаза... зелеными волчьими глазами, ролфийскими злыми глазами, полными ненависти и презрения.

От острейшего прилива возбуждения мужчина застонал и обеими руками ухватился за пах. Явись ролфийка наяву, он бы, наверное, овладел ею прямо на алтаре, настолько нестерпимым было его желание.

– Что-то случилось? Вам помочь? – дернулся было к нему местный преподобный.

Но Удаз Апэйн взревел, точно раненый вепрь, и бегом бросился прочь из храма. Больше у него иллюзий не осталось. Предвечный полностью отверг недостойного, наконец узрев ролфийскую половину крови эсмондского бастарда. Если ты диллайн, значит – одержимый. Без одержимости (а ее больше не осталось!) Удаз стал тем, кого больше всего ненавидел. Он стал ролфи!

Джона и Грэйн

Грэйн рассчитывала, что их обеих разместят в той самой каморке, в которой она уже успела освоиться за время предыдущего плавания, однако у Нимрэйда на сей раз, видно, были другие резоны. Озабоченный босоногий матрос помог женщинам спуститься по крутому трапу с квартердека на оружейную палубу, а затем повел еще ниже, в самые глубины трюма. В лабиринте полутемных переходов отвыкшая от корабельной вони ролфи мгновенно потеряла чувство направления, но оно и не требовалось. Внутри все боевые корабли устроены в принципе одинаково, и нет нужды в специальных знаниях, чтоб понимать – руль находится на корме, и если над головой у тебя скрипят тросы рулевого механизма, а лбом ты чуть было не врезалась в нижнюю часть бизань-мачты, значит, ведут тебя на корму. А если спускаешься ты притом все вниз да вниз, можно догадаться, что расположиться тебе придется гораздо ниже ватерлинии. Как бы не в «будку» – специальное укрытие для пассажиров, буде такие случатся на корабле во время морского боя.

Грэйн правильно догадалась. Проводник завел их в оружейную, а потом с натугой поднял крышку небольшого люка. Дамам предстояло спуститься именно туда, в темную и тесную каморку размером с канатный ящик. В общем-то, жаловаться было не на что: «собачья будка» – это, по сути, самое

безопасное место на корабле... если только корвет вдруг не вздумает утонуть. Тогда укрытие станет ловушкой, ведь выбраться оттуда без посторонней помощи весьма сложно даже при открытом люке, а если его еще и запрут снаружи...

– Полезайте, да поживее, – буркнул матрос. – Там насте-лена парусина, так что не обдеретесь.

– Оставь нам фонарь, – приказала Грэйн, решив, что надо сразу дать понять обитателям каперского корабля, что обе женщины – все-таки пассажирки, а не приз. – И флягу с водой. И не вздумай закрывать люк, иначе мы там задохнемся.

– Сюда будут сносить раненых, если дело дойдет до драки, – моряк показал на оружейную.

– Ничего, мы переживем, – заявила ролфи. – Ну?

– Хорошо, – проводник сунул ей в руки фонарь. – А вода там есть.

Первой в «будку» спустилась Грэйн и, вытянув руки, приняла сперва фонарь, а потом и Джойн, чтоб та не оступилась на узенькой лесенке. Не трап это был, а так, одно название, а уж само укрытие... Треугольное крохотное пространство с покатым полом, застеленным парусиной, совсем рядом тяжело ходил руль корвета, а над головами у женщин нависали какие-то полки. Здесь можно было сидеть или лежать прямо на палубе, а вот подвесить койки было бы уже невозможно, не говоря о других элементах комфорта.

«Ускользящий» ощутило вздрогнул всем корпусом, резко накренившись вправо и, видимо, рыскнув в сторону.

– Бортовой залп, – сказала Грэйи и дернула Джойн к себе. – Садись. А лучше вообще лечь.

Блоки и тросы застонали где-то сверху, и корвет немедленно выровнялся. На верхних палубах бегали, кричали и грохотали, из паза обшивки прямо под взглядом ролфи начала сочиться забортная вода.

– Он течет? – напряженно спросила графиня. От всех тревожений, а теперь еще и качки она совсем позеленела.

– Они все текут, – эрна Кэдвен пожалала плечами, стараясь выглядеть опытной и уверенной. – Не бойся, Джойн. Здесь, внизу, нас, по крайней мере, не посечет щепками и не зацепит шальной пулей... и вообще...

– Ты же сама боишься, – хмыкнула леди Янэмарэйн. – Это у тебя какой морской бой по счету?

– Первый, – хмуро призналась Грэйи. – Но... А, неважно. Иди сюда, – она похлопала ладонью по парусине. – Будем бояться вместе.

Графиня села и невозмутимо поправила юбку. Но наверху грохнуло снова, и корвет опять дал крен... а потому очень скоро обе пассажирки уже лежали, вцепившись друг в друга, и одинаково стучали зубами. И продолжалось все это... ролфи не могла точно сказать сколько, но под конец они даже устали бояться и перестали вздрагивать от залпов и треска. Грэйи изрядно укачало, и она, наверное, даже попробовала бы заснуть, если б прямо ей на нос не протекла сверху тонкая вонючая струйка... чего-то. Впрочем, трюмная вода

и не должна благоухать розами, а потому ролфи смирилась. В конце концов, запахи и звуки – это совсем не то, чего и впрямь стоит опасаться на борту «Ускользящего».

Опасность... Грэйн выругалась бы, но не хотелось лишний раз беспокоить спутницу. Может быть, все еще обойдется. Может, им действительно осталось поболтаться каких-то пару-тройку дней в нутре корвета, а там уже и пристань Эйнсли, и знамя Бегущего Волка, поднятое над шпилем замка Эйлвэнд... Боги, боги мои... думать об этом, а не об опасности, той, что разгуливает по шканцам корабля, там, наверху. У этой опасности ледяные змеиные глаза и холодные руки, и... Ролфи не удержалась и тихонько застонала сквозь плотно сжатые зубы. «Ускользящий» мог стать для обеих женщин общей могилой, но эрна Кэдвен не боялась соленых объятий Морайг. Это была бы смерть честная и почетная, хотя шуриа наверняка найдет дюжину возражений. Но, когти Локки! Грэйн есть теперь с чем сравнивать! Пусть Джойн поверит на слово – захлебнуться здесь, в этой мышеловке, все-таки лучше, чем... испытать другие варианты. И, в конце-то концов, эрна Кэдвен – не богиня и даже не ее посвященная, так куда ей противиться воле Морайг? Серебряная луна сама решит, жить им или умереть в морских волнах. От ее немилости Грэйн попросту не сможет защитить свою подопечную.

Но ведь и от других угроз ролфи не может уберечь Джойн, вот в чем беда! Что противопоставишь трем сотням воору-

женных мужчин во главе со скользким и беспринципным гадом Нимрэйдом? Да ничего. Разве что...

«Придется его отвлечь», – обреченно подумала Грэйн, украдкой покосившись на спутницу. Та ничего не заметила, поглощенная мерзостными ощущениями, рожденными морской болезнью. Приятного мало, но то, что предстояло эрне Кэдвен, было еще гаже. Видит Локка, она предпочла бы тихонько блевать в уголке всю дорогу, чем хотя бы словом перемолвиться с шурианским капитаном! Но кому есть дело до ее предпочтений? Графиня – под защитой Грэйн до тех пор, пока сам Вилдайр Эмрис не освободит свою Гончую от этого долга, а потому ситуация не обсуждается. Князю вряд ли так уж важно знать, как именно Грэйн будет исполнять его приказ и чем именно станет защищать Джойн – ружейным огнем, рунной магией, сталью или... телом. И пусть боги будут милостивы, а сама ролфийка все еще окажется... интересна шурианскому каперу настолько, чтоб он не возжаждал вместо нее общества сородички.

В этих невеселых раздумьях Грэйн было уже не до того, чтоб прислушиваться, как удирает, отстреливаясь от береговой охраны, в открытое море «Ускользящий». Впрочем, то, что канонада затихла, а ход корвета стал ровным и плавным, ролфи все-таки заметила. Ну вот, по всему выходит, что теперь счастливо ускользнувший от негостеприимных имперских берегов капер займется «гостьями».

– Джойн, – торопливо зашептала эрна, теребя спутницу

за обтрепанный подол. – Джойн! Послушай! Тебе все еще плохо?

– Нет... уже лучше, – отважно выдавила серо-зеленая графиня и тут же снова скривилась, прижимая ладонь к губам.

– Приляг и не дергайся, – Грэйн попыталась устроить ее поудобней. – И слушай. Не вздумай геройствовать. Для нас обеих будет лучше, если ты проболеешь всю дорогу.

– Что? – непонимающе вскинулась измученная шуриа.

– Ради твоих духов, не спрашивай! – ролфи сжала ей руку. – Ты больна, ты устала, тебе плохо. Не надо вдруг выздоравливать... и ничего говорить тоже не надо. Особенно когда он придет нас проведать. Нет, не смотри так, я все равно не стану ничего объяснять. Просто делай так, как я прошу, хорошо?

Шуриа молчала.

– Джойн, – ролфийка постаралась говорить как можно тверже и убедительней. – Не забывай, что ты – не просто мое задание, не только моя добыча – или спутница, или как тебе угодно зваться! Ты – это еще и мой Кэдвен, честь моего отца и, проклятье, мои яблони. Поверь, это не блажь. Молчи, притворись совсем больной – и не спрашивай ни о чем. И не удивляйся, если то, что я буду делать... – Грэйн помедлила немного, подбирая слова, – вдруг покажется тебе странным. Хорошо? А потом, если хочешь, жалуйся на меня Конри и хоть самому Князю.

Графиня непонимающе и как-то неуверенно кивнула, но

ролфи решила считать это проявлением покорности и благоразумия. Тем более что и возможности что-либо разъяснить дальше у нее уже не осталось. Над головой затопали по доскам оружейной, из щелей посыпалась какая-то труха, из-под парусины порскнула перепуганная крыса, а в дыру люка заглянула прямо-таки лучащаяся обещаниями физиономия капитана.

– Ну, как вы там? – пришепетывающий шурианский акцент стал еще более заметен в голосе, который вибрировал от недавнего возбуждения от короткого боя. – Живы?

– Благодарю, – с язвительной вежливостью отозвалась Грэйн. – Все просто превосходно. Лучшего укрытия и пожелать нельзя. Что ваш противник?

– О, противник рассеян и потерял нас в тумане, – похвастался Нимрэйд и спрыгнул вниз. – А бой – закончен. И я на всех парусах спешу доставить вас к месту назначения, сударыни.

Ухмыляясь, он стоял, широко расставив ноги и едва не наступая на подол графини, а уж посмотрел на женщин так, что Грэйн немедленно развернулась и заслонила собой Джойн.

– И более всего меня теперь заботит ваше благополучие, – продолжал капитан. – Позвольте наконец-то приветствовать вас на борту моего корабля, прелестная графиня Янамари. Я с большим нетерпением ждал этой встречи и уповаю теперь на то, что вы не откажете мне в удовольствии от вашего общества.

– Разве вы не видите, сударь, что леди Янамари дурно? – резко спросила эрна Кэдвен. – Вы уморить ее хотите, раз поместили нас в эту... конуру?

– Моя дорогая эрна, – понимающе улыбнулся Нимрэйд. – Кому, как не вам, должно быть известно, что это помещение именуется вовсе не конурой, а «будкой»? Увы, мне пришлось пожертвовать вашим удобством ради вашей же безопасности. И более всего я сейчас желаю хоть как-то загладить это! К примеру, ежели вы согласились бы отобедать со мной... – и подмигнул напрягшейся ролфийке. – Вы обе.

«А ты потянешь обеих-то?» – мрачно подумала Грэйн, а вслух спросила с невеселой усмешкой:

– Свинина с горошком и хлебцы с личинками?

– Ну что вы, эрна! – капер показал мелкие зубы, аж прижмурившись от удовольствия и откровенно наслаждаясь игрой. – Полагаю, что вашу удачу мы отметим гораздо более изысканным блюдом. Уверяю вас, фантазия моего кока не ограничивается одной только свиной с горошком! В том и предлагаю вам убедиться немедленно. Надо же отпраздновать победу, как думаете?

– Боюсь, что леди Джойана слишком больна, чтоб оценить вашу любезность, сударь, – злобно огрызнулась Грэйн.

– Жаль, жаль... – Нимрэйд снова прошелся по женщинам оценивающим взглядом. – Ну что ж... Тогда не станем больше тревожить леди Янамари. Нам с вами тоже ведь есть что обсудить с глазу на глаз, верно же, эрна? За столом?

– Конечно, – выдавила ролфи и стиснула зубы, чтоб не зарычать.

«И за столом, и на столе, и... – подумала она. – Но нам же нужно добраться до Ролэнси? Боги, дайте мне только оказаться дома... и тогда, когда ты больше не будешь нам нужен...»

– Знаете ли, я до сих пор в полном восторге от ролфийских добродетелей, – доверительно склонился к ней капер. – Как бишь там? Отвага, стойкость... А! И еще терпение! Прошу, – и протянул руку, намереваясь поддержать ролфийку, пока та будет карабкаться наверх.

Грэйи отстранилась, как от настоящей змеи, и, не взглянув на Джойн, полезла в люк. Пожалуй, сейчас она и впрямь предпочла бы оказаться в синхелмском подвале в компании со всем Эсмонд-Кругом. Те по крайней мере не прикидывались союзниками и вели себя честно.

Никогда Джонино нутро так не бунтовало против обстоятельств. Каждое движение огромного корабля отдавалось в желудке болезненной судорогой. Во рту тут же становилось горько от желчи, которая вызывала все новые и новые рвотные позывы. Еще немного, и она вывернется наизнанку, словно перчатка. Не помогали ни уговоры Грэйи, ни медитация. Тело, такое ловкое и нетребовательное, с легкостью выносившее двух детей без малейшего намека на недомогание, категорически отказалось служить своей хозяйке, так и но-

рова исторгнуть прочь душу во время очередного приступа рвоты. Джона уже прощалась с жизнью, когда к ним в конуру – или как это место называется – заглянул капитан. И одного взгляда, брошенного леди Янамари сквозь прилипшие к лицу пряди волос, хватило, чтобы узнать в нем сильного шамана. Разумеется, кто угодно, хоть ролфи, хоть диллайн или полукровка, сразу поймет, что Яльдан Нимрэйд – шуриа, но только сородич почувствует невидимую броню духовной силы. Странной силы, между прочим.

Элишва говорила так: «Шаман – как дуб среди леса, и его мощь в исполинских корнях, толстой коре, крепкой древесине и раскидистой кроне. Корни питают крону силой земли, согретые солнцем, зреют желуди, и никакой ураган не страшен, пока тверд его ствол. Защитой же всему – кора. Она хранит древесину, она греет зимой. Сила дуба в коре и глубине корней, но никому не дано увидеть, насколько они глубоки, и все видят кору».

Так вот, на Яльдане Нимрэйде «коры» не было, на нем была надета маска. Красивая, яркая, сложная, вроде тех, в которые любят рядиться на Весеннем карнавале синтафцы, но все-таки маска.

Хорошо это или плохо, Джона не знала. Откуда? Она ведь могла по пальцам одной руки пересчитать сородичей-шуриа, которых довелось встретить в недолгой жизни своей. И только Элишва могла похвастаться знаниями о традиционном волшебстве. Ее, дочь кланового вождя, в детстве учил ша-

ман.

И еще графине не понравилось, как этот капитан посмотрел на Грэйи. Бывшей придворной даме сложно не узнать маслянистый похотливый блеск глаз, когда у мужчины особенному тяжелеют веки. В обществе аристократов это сигнал насторожиться и тут же мысленно прикинуть, насколько выгодны или чреваты неприятностями уступки чужой похоти. Но если Яльдан Нимрэйд, как и Грэйи, служит лорду Конри, то аппетит ему придется поумерить. Непохоже ведь, чтобы ролфи испытывала к капитану симпатию. «Впрочем, может, наш спаситель вообще падок до женских прелестей? – размышляла Джона, на время забыв о морской болезни. – Он умудрился даже мне «заглянуть в декольте». Морякам редко перепадает плотские радости, тут не стоит удивляться».

Она настойчиво искала объяснений поведению капитана «Ускользающего» и не находила их.

«Зачем ему вообще вызывать Грэйи для разговора? Нет, ну действительно, какой смысл, если отчет девушка будет держать перед лордом Конри и Священным Князем. Яльдан, твое дело – держать корабль по курсу и как можно скорее доставить нас в Эйсли. Какие важности ты собираешься обсудить с эрной Кэдвен за ужином? А главное, самое главное – как вообще так получилось, что чистокровный шуриа, шаман служит ролфийскому владыке?»

Никто из шуриа не забыл и ничего не простил ролфи.

Во времена последнего восстания рилиндары вырезали полукровок чуть ли не с большей охотой, чем захватчиков. Даже женщинам-шуриа не хотели прощать естественного для матерей желания спасти от проклятья хотя бы нескольких из своих детей.

И тут вдруг такая лояльность к старым непрощенным врагам? Ох, неспроста!

Джона свернулась клубочком на подстилке, уткнувшись головой в собственные колени, и приготовилась ждать спутницу-ролфи до самого Порога. Пусть только вернется. И тогда поговорим начистоту.

Эрна Кэдвен все не шла и не шла, отчего леди Янамари не спалось и не бодрствовало. А может быть, виной тому был корвет «Ускользящий». Сам по себе. Никогда прежде шуриа не встречала такой... *вещи*. Нет, Джоне доводилось бывать на кораблях, но все эти прогулочные яхты более всего напоминали комнатных собачек – покорные, преданные, избалованные любимцы двуногих хозяев, давно забывшие о своем происхождении от волков. Речная баржа, в трюме которой они с Грэйн путешествовали по Лиридоне, была усталой и безразличной, как старая ломовая лошадь. Но «Ускользящий»... он весь дрожал от застарелой ненависти ко всему – к команде, к морю, к собственным пушкам. Без сомнения, матросы тут ломали себе хребты и ребра чаще, чем это случается обычно, и немало их смыло за борт штормовой волной. А все потому, что руки, строившие

его когда-то, принадлежали людям слишком расчетливым, не пожелавшим вложить в свой труд чуть-чуть души. Так бывает, когда бригаду подбирают в срочном порядке из случайных работяг. Наверное, с ними нечестно расплатились, а скорее всего, при строительстве кто-то погиб или был серьезно покалечен. Словом, «Ускользящему» не повезло с самого начала. Он неоднократно переходил из рук в руки, его захватывали в бою и перепродавали множество раз, пока он не стал собственностью Яльдана Нимрэйда.

Джоне оставалось только гадать, почему шаман-шуриа не сумел подружиться со своим кораблем, вернее, не захотел его полюбить. Да, «Ускользящий» не единожды становился ареной жесточайшего кровопролития; да, каждая его палуба полита кровью матросов, да – он видел смерть и муки невинных. Но как... Великие Духи! Как шуриа может спокойно спать в утробе монстра, люто ненавидящего его самого и всех его людей? Какие сны видит капитан Нимрэйд?

Несколько раз, измученная морской болезнью, Джойана проваливалась в сон, но и там ее поджидал «Ускользящий», посылая женщине кошмар за кошмаром. Кажется, он специально раскачивался так, чтобы доставить пассажирке как можно больше страданий. Озлобленный, коварный зверь, жаждущий крови и слез.

Скорей бы все закончилось, думала Джона, скорей бы берега Ролэнси. Смешно сказать, но, наверное, до сих пор никто из детей Шиларджи так отчаянно не стремился на ро-

дину своих врагов-ролфи. Какая она, страна хёлаэнайев? На что похож город Эйнсли? Как и всякого шуриа, Джону мучили одновременно страх и любопытство. Страх никогда больше не увидеть детей, Янамари и Аластара и жгучее желание хоть одним глазком подсмотреть за жизнью другого народа. Воображение рисовало женщине фантастические картины – мерещился огромный, высеченный из скалы исполинский замок-лабиринт, населенный среброшкурами волками-оборотнями. Камень, сталь, звериные шкуры – все как в древних сагах. И в видениях шуриа Священный Князь чем-то неуловимо походил на Эйккена эрн-Янэмарэйна, такой же свирепый и бешеный. Здравый смысл подсказывал, что ролфийская мода за последние триста лет изменилась и владыка Островов не спит в кольчуге на медвежьей шкуре, а княгини носят дамское белье и не брезгают пользоваться духами. Но кто знает, кто знает...

«Вот скоро и ты доведешься, – убеждала себя Джона. – Совсем скоро».

И сама себе не верила. Одни только Великие Духи знают почему.

Ролэнси лежит всего лишь на другой стороне Опасного моря – Беригель, каких-то несколько дней. Но путь туда будет извилист и долог. Особенно для шуриа.

Вестовой, провожавший Грэйна из капитанского салона обратно в «будку», бросал на ролфи такие взгляды, что она

отчетливо ощущала, как они липнут к коже, будто смола. Не хватало только вывалиться в перьях для завершения неприглядной картины окончательного падения. Впрочем, откуда взяться перьям, если на борту нет диллайн? А жаль, право! Эрна Кэдвен скривилась в издевательской усмешке, злобно посмеиваясь сама над собой. Что еще ей оставалось – разве что возрыдать? Да уж, почему бы теперь и не посмеяться! И не подумать, что для того, чтоб уж наверняка почувствовать себя настоящей шлюхой, не хватает только переспать еще и с диллайн! Да что там – вот же, целый корабль, битком набитый мужиками всех кровей и мастей! За чем же дело стало? Для начала – офицеры, а там и до матросни дойдем... И этот, с фонарем, уже откровенно облизывается на объедки с капитанского стола, ничуть не сомневаясь, что придет и его очередь.

И ведь прав, висельник. Потому что, проведя несколько часов в обществе Нимрэйда, Грэйн отчетливо поняла – все. Она больше не нужна. И дело тут вовсе не в поведении капитана – в конце концов, что бы сделал Конри своему дорогостоящему наемнику за маленькие шалости с приглянувшейся женщиной? Ну, может быть, удержал бы процент из оплаты и слегка пожурил – не больше. Потому что таких, как Грэйн, у лорда-секретаря наберется десятков за медянку, а шурианский капитан, с легкостью проникающий в имперские воды сквозь все кордоны, – персона гораздо более ценная. Нечто в этом роде капер и поведаль, ненадолго прервавшись и

покровительственно похлопав ролфийку по бедру. Дескать, не обольщайтесь, дорогая эрна, подробности никого не интересуют. Она не обольщалась. Она, когти Локки, уже давным-давно...

Грэйн со свистом втянула воздух, прислонившись к переборке и проведя мелко дрожащей рукой по волосам, чтоб хоть как-то их пригладить. Нет, с падким на юбки Нимрэйдом все более-менее понятно... было бы понятно, если б не одно маленькое, но важное обстоятельство. Даже два, если разобраться. Первое – на этот раз он был... другим. Более грубым, более откровенным. Тогда, на пути в Синтаф, Грэйн всего лишь чувствовала себя шлюхой, но теперь... Шлюха – она же все-таки наемница, ей, в конце концов, платят, и за шлюху есть кому вступиться. Кроме того, на Ролэнси женщины в белых платьях сами выбирали, с кем и за сколько им спать. А Нимрэйд обошелся с ней как с рабыней или военной добычей, вот в чем соль. С теми, кто рано или поздно сможет отомстить, так себя не ведут. Значит, он абсолютно точно знает, что Грэйн никогда и никому уже не пожалуется, да и не вспорет ему брюхо при случае. Следовательно, она больше не нужна. Графиня Янамари надежно упрятана в чрево «Ускользящего», и миссия эрны Кэдвен исполнена. Теперь похитительница вполне может попросту выпасть за борт...

Вестовой провел ее в оружейную и запер дверь снаружи, оставив, впрочем, фонарь. Грэйн осталась стоять в полумраке, размышляя. Может, все-таки... Конри? Чтоб сэкономить

на оплате? Да нет, немыслимо! Тем более что лорд-секретарь уплатил вперед – и в присутствии самого Священного Князя. Но тогда... тогда получается, что Нимрэйд ведет свою игру. И второе насторожившее Грэйн обстоятельство это полностью подтверждает.

Карта. На столе у шурианского капитана бумаг навалена была целая гора, но в процессе... хм... общения ролфийка случайно сдвинула часть из них, и прямо перед ее глазами оказался кусок карты. И эрна Кэдвен тотчас запретила себе думать о позоре и унижении, которым она подверглась... во всяком случае, пока не думать. Потому что карта была важнее всего. Знающему взору она, разумеется, сказала бы гораздо больше, чем такому полному профану в навигации, как Грэйн, но... В детстве ей приходилось рассматривать навигационные карты отца, и, как выглядит проложенный курс, она запомнила. И уж точно могла отличить северо-восток от северо-запада! Конечно, все это нуждалось еще в проверке, но...

Если Нимрэйд и впрямь везет их на Ролэнси, то зачем же ему идти сейчас к проливу Арнлейг, в сторону, прямо противоположную от Архипелага? К чему делать такой крюк? Покатать он их решил, что ли?

А если не на Ролэнси... то куда же, поглоти его Морайг, этот шурианский капер их вообще везет?!

Люк стукнул, и в его проеме показалась Грэйн. Медлен-

но, медленно она спустилась и затем точно так же неторопливо сползла по стенке. Коса разлохмачена, губы искусаны, ворот рубашки надорвал, вся шея синяя от кровоподтеков... И запах, который не перепутаешь ни с каким другим, – запах ненависти, боли и мужского семени. Джона видела уже такое. И не в глухих подворотнях, а прямо в императорском дворце, она видела десятки девушек и женщин, над которыми надругались. Самым паршивым, самым гадким, самым подлым образом. Ведь тело – всего лишь тело, оно может быть слабым и не способным отбить атаку сильного. Ты можешь кричать, рвать насильника когтями и зубами, сопротивляться любым способом и звать на помощь. Это схватка, это битва, пусть несправедливая к жертве. Но есть вещи и похуже. Это когда тебя заставляют сделать все по своей воле, насилуя не только тело, но и душу. Самое страшное преступление.

И не важно, где это происходит – в роскошных апартаментах, на задворках мясной лавки, в кладовке гостиницы или в капитанской каюте, результат один – растоптанный, сломанный дух.

Джона, не доверяя своим глазам, на четвереньках подползла к ролфийке и стала осторожно трогать ее за волосы, одежду, руки. Будто пыталась собрать заново. Из мелких осколочков, из кусочков, из ошметков, из того, что осталось от эрны Кэдвен.

«Нет, эрна! Не сдавайся! Еще не все потеряно», – мыс-

ленно вышла графиня, а вслух глухо утробно рычала, забыв на время слова человеческого языка.

Этот... этот капитан не мог быть шуриа! Он, видящий незримое, зрящий мир духов, он мог сделать с ними все что пожелает, даже отдать команде, а потом сбросить тела за борт, но он не мог покушаться на живую душу.

– Он зас-с-ставил тебя? Он не ш-ш-шуриа! Он не шуриа! – свистящим шепотом выдавила из себя Джона. – Он – не шуриа!

Она была даже не страшная – жуткая, шипящая, словно и впрямь стала настоящей змеей... или еще кем похуже, бледно-зеленая, растрепанная. Грэйн бы испугаться, отшатнуться в отвращении к этим когтистым тощим рукам, огромным светящимся глазам, словно у диковинного ночного зверька, но... Еще вчера ролфи ужаснулась бы, но не теперь. Нет, не теперь... потому что в душе у эрны Кэдвен правила сейчас истинная жуть, по сравнению с которой страхолюдная шуриа была родной, близкой и совсем не страшной.

Она не чудовище, эта Джойн. Ролфи теперь знала – чудовища выглядят совсем по-другому. К примеру, сама Грэйн: похитила, связала, утащила неведомо куда из родного дома, обещала защиту... много чего обещала и не сдержала ни одного из своих обещаний. Чем не чудовище? И как теперь все исправить? Чем искупить?

Ролфи заставила себя встряхнуться.

Пора признаваться. Пора повиниться. Джойн оказалась

права с самого начала – плохая из Грэйн получилась похитительница и диверсантка. Просто никудышная. И все, что случилось с нею, вполне заслужено.

– Неважно. Не сейчас. Джойн... – Грэйн вздохнула и решила, что лукавить уже поздно: – Я дура, Джойн. Я затащила нас обеих в ловушку.

Глаза у леди Янэмарэйн стали еще больше, так что казалось, вот-вот убегут с лица и пойдут гулять по палубам «Ускользящего», поджигая все на своем пути...

– Важжжжно! В ловушшшку?

– Да! Сожги меня Локка! Именно! – Ролфи захлебнулась словами, чувствуя, как захлестывает ее привычное бешенство, обращенное на себя самое. Она с размаху ударила по ноге кулаком и перевела дыхание, пытаясь говорить отдельно и четко: – Я видела карту, Джойн. Там, у него на столе, там карта, и курс проложен... Я не знаю, куда он нас везет, но точно не на Ролэнси. Проклятье... я не знаю, куда он нас везет!

Грэйн раскачивалась из стороны в сторону, обхватив себя руками за плечи. Она вгрызлась зубами в израненные губы и то ли стонала, то ли рычала.

«Стоп, стоп! – мысленно воскликнула леди Янамари, чувствуя, как тают без следа волны ужаса и ярости, бушевавшие в душе. – Если мы плывем не на Ролэнси и не обратно в Синтаф, то, значит, либо к конфедератам, либо еще куда-то... возможно, что и к тайным агентам Эсмонд-Круга. И вооб-

ще... Нимрэйд мог разыграть собственную карту».

То, что капитан «Ускользящего» оказался предателем, леди Янамари ничуть не удивило. Это... это вполне естественно, когда шуриа-наемник продает свои услуги тому, кто даст лучшую цену. Нашелся, стало быть, кто-то, заплативший больше, чем Конри, только-то и всего. Яльдан Нимрэйд хотел не только жить, но и жить, не считая денег, а леди Янамари нынче – ценный и дефицитный товарец. Тут его можно даже понять.

«Боги, боги, ну хоть какой-то выход должен же быть!» – думала ролфийка. Пусть не для Грэйн, пусть для спутницы хотя бы... В конце концов, выход для эрны Кэдвен есть всегда, пока под рукой заряженный пистолет или заточенный скейн. Вспомнив про оружие, ролфи ухватила за эту мысль, словно тонущий в стремнине – за нависшую над бурным потоком ветку, и, сжав руку Джойн, торопливо заговорила:

– Мы должны бежать! Он идет в пролив Арнлейг... кратчайший путь к конфедератам или... Надо бежать. Я поклялась, что доставлю тебя Вилдайру Эмрису или умру, пытаюсь это сделать. Я поклялась, что ты будешь невредима. Но, Джойн... лучше уж объятия Морайг, чем...

Она спешила объяснить, убедить... пока у них не отобрали саму возможность что-то обсуждать и вообще говорить. За этим ведь дело не станет. Как знать, вдруг уже сейчас, вот прямо сию минуту, в их конуру вломятся матросы, и тогда

будет поздно, поздно совсем!

Но решиться, рискнуть или нет, должна сама графиня. Неспособная ее защитить, эрна Кэдвен потеряла право решать, что им делать.

– Решай теперь ты. Мне все равно не жить, Джойн, я не нужна им больше, я поняла, он почти прямо мне сказал... Либо мы бежим, либо... попытай удачу одна. Ты для них – ценная добыча, может, тебе удастся как-то выскользнуть? А я отдам себя Морайг. Это лучшее, что мне остается здесь.

«Нет, эрна Кэдвен. Она сама придет к тебе!» – успела подумать Джона прежде, чем стала превращаться в само Море, и Его дух проник в нее.

Грэйн осеклась, осознав, что подвела... предала!.. не только доверившуюся ей спутницу. А Князь? А Конри? И... отец там, в Чертогах Оддэйна... боги, что думает теперь он? Хотела вернуть ему имя, а вместо того обесчестила!

– Я подвела Князя, Джойн, я не оправдала доверия. Я подвела Конри, и отца... и тебя подвела тоже. Клялась привезти и защитить и не смогла. Мне нет оправданий. Боги наверняка не примут меня, но... Проклятье, лучше б меня и впрямь повесили! Ты вернулась бы домой, и все стало бы как прежде...

«Ничего не будет как прежде. Никогда, эрна Кэдвен. Теперь – никогда», – подумала Джона.

А Грэйн вдруг словно бы осенило.

Но этот, подлый, этот предатель – он ведь предатель! Он

ведь служил Конри и брал деньги Ролэнси! Он был нужен Ролэнси – и предал.

То, что шуриа принудил ролфийскую женщину... это неважно, это меркнет по сравнению с предательством. Переметнулся к тому, кто больше платит, а может быть – всегда служил двум господам? Словно паршивый пес, кусающий руку, что кормила его...

Нимрэйд – предатель. И если Грэйн больше не нужна Нимрэйду, то ведь и Нимрэйд не нужен больше Грэйн. И Ролэнси тоже. А значит...

«Боги! – поняла она наконец-то и задохнулась от внезапного и острого чувства. Пожалуй, это было счастье. – Он больше не нужен. Больше не неприкосновенен. Я же могу забрать его жизнь – и буду в своем праве перед богами и людьми! Пусть Морайг возьмет его – и меня в придачу, если на то будет ее воля!»

Никогда прежде Грэйн не доводилось испытывать подобного, но и не узнать она не могла. Это чувство... это ощущение...

Это же она. Свобода! Не по приказу, не по воле пославших ее, но следуя собственному решению. Нимрэйд предал ролфи. А эрна Кэдвен – она же ролфи и вправе судить предателя и клятвопреступника. Теперь – вправе.

Теперь – можно!

Что чувствует гончая сука, вдруг спущенная со сворки? И кровь Грэйн запела в предвкушении мести, той, за ко-

торуую никто на Ролэнси не осудит ее: ни Конри, ни сам Священный Князь. Ни Сэйвард эрн-Кэдвен.

Вот только... как? Как сделать это – и при том не погубить Джойн окончательно?

– Джойн!.. – ролфи наконец-то взглянула на спутницу – и осеклась, и отшатнулась, застыв в немом благоговении.

Потому что не шуриа была сейчас перед Грэйи, не графиня Алэйя и даже не эрна Янэмарэйн. Да полно – смертная ли женщина впиалась когтями в плечи эрны Кэдвен? У людей не бывает таких волос, шевелящихся, извивающихся, словно змеи или водоросли, в человеческих глазах не плещется само бессмертное, вечно изменчивое, бесконечно юное и невообразимо древнее море, и горькая морская вода не течет по людским щекам, прокладывая блестящие дорожки, и не вскипают отрывистые слова на губах светящейся пеной. Так смотрит в земные глаза сама Морайг. Грэйи взглянула уже однажды в огненные очи богини, услышала ее обжигающие речи, почувствовала, как тело рвет раскаленные когти. И пусть божество сейчас было другим, но все же... Посвященная Локки не могла ошибиться. Морайг-Неверная, Могучая Морайг-Море овладела телом и духом Джойн и говорила ее устами.

– Он заставил... он заставил ее покориться против воли, принудил пойти против естества, – через силу прошептала Джойана. – Мог взять тело, но поганил ее душу. И за это... За это я... отберу у него все...

Не к Грэйну обращалась полукровка-шуриа, а к самому Морю, к его свободному духу. Пусть знает, что среди народа Шиларджи нашелся выродок. Пусть покарает святотатца.

Джона царапнула когтями по переборке и злобно прошипела в собственных мыслях:

«Ты слышиш-ш-шь меня, «Ус-с-скользящ-щ-щий»? Приш-ш-шел твой час мес-с-сти! И мой тож-ж-же!»

И корабль тоже услышал, застонав каждой своей доской, каждой заклепкой.

Но Джоне было все равно. Жилы ее наполнились горькой морской водой, соль проступила на коже, а кости стали кораллами, и в чреве поселились гады морские. Запела шуриа на языке китов и косаток, закричала птичьим базаром. Покрылась женщина плотным тюленьим мехом, и вместо ног у нее вырос дельфиний мощный хвост, а вместо рук – крылья альбатроса. Морем стала Джойана Алэйя, могучим и беспощадным, бушующим и спокойным, ласковым и коварным.

«О чем ты просишь, дочь Шиларджи?»

Голос Морайг – он тише безмолвия над водной гладью в штиль и одновременно грохочет всеми прибоями мира.

А может быть, это на самом деле был раскат грома?

«О мести и ярости. Он пытался сломать душу, он пошел против Жизни, он – не шуриа, он – враг!»

Наплевать на предательство по отношению к Конри и Ролэнси – шуриа в своем праве. И по закону войны они с Грэйном

всего лишь пленницы. Но грустить над духом женщины... За это положена кара! Немедленная и беспощадная.

«Ты слышишь меня, Хела-Море?! Он – враг!»

«Слышу».

Корпус «Ускользящего» содрогнулся от ударов волн. Там, наверху, началась буря, которой еще не видывали люди по оба берега Опасного моря, моря Кэринси.

Человеческое тело слишком хрупко, чтобы выдерживать присутствие стихии долго. Поэтому, когда дух покинул Джону, она сразу же распласталась на полу, точно выброшенная на берег медуза, безвольным студнем. И с горечью поняла, что шаманить не умеет и не может. Но, с другой стороны, дух Моря вряд ли нуждался в помощи столь ничтожного существа, как шуриа-полукровка.

Нич-ч-чего! Мы тоже кое-что умеем. Ничего-ничего!

Джона щекой прижалась к дереву, погладила шершавую поверхность. Почти с нежностью.

«Это твой шанс, «Ускользящий», воспользуйся им и отомсти человеку, терзавшему тебя столько времени. Это твой шанс уйти с честью, освободиться и уничтожить своего мучителя», – вкрадчиво напомнила она корвету.

И чуть не потеряла сознание от дикой звериной радости «Ускользящего», пронесшейся сквозь ее сердце, будто ураган. Ничуть не менее слабый, чем тот, который бушевал за бортом. Право же, теперь капитану Нимрэйду и его команде было чем занять себя, кроме удовлетворения плотских радо-

стей с незащитными пассажирами. Судя по тому, как швыряло Джону и Грэйну по их «будке», на всех палубах корвета творилось нечто невообразимое. Неведомо, как справлялись моряки, но женщины только и успевали, что цепляться за переборки и выть в голос, стараясь перекричать свой страх. Какая там морская болезнь! Джона потеряла счет времени и, казалось, перестала что-либо соображать.

Взбесившийся корвет бросало из стороны в сторону, где-то рядом за стенкой нутужно скрежетал штуртрос, но шуриа могла бы поклясться, что корабль практически не слушался руля. «Ускользящий» не желал больше подчиняться смертному, да и вообще кому бы то ни было.

– Наверх! – заорала Грэйн и потащила шуриа к люку. – Все равно, кто там... и дверь заперта, но нужно наверх!

Корабль содрогался и трещал, но ролфи чудился в какофонии бури вовсе не страх корвета, но... какое-то дикое, свирепое предвкушение. Корабли – дети Морайг, так может быть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.